

ЧУЖОЙ ВЕК

Книга первая

Anat_Li Anat_Li ЧУЖОЙ ВЕК

<https://litres.ru/74410388>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некоторые места не терпят чужаков. Некоторые эпохи не прощают ошибок.

У него нет ничего, кроме памяти. Ни оружия, ни денег, ни союзников.

Ему предстоит научиться выживать в мире, где каждый день — испытание. Где друзьями становятся те, кто вчера был готов убить. И где единственный способ остаться в живых — доказать, что ты полезнее, чем опасен.

Здесь не верят в знания — только в меч и молитву.

«Чужой век» — это история о том, как один человек старается выжить в мире, где смерть идёт по пятам. Жестокая, романтическая и реалистичная.

Первая книга цикла «Чужой Век». Жёсткое, реалистичное попаданчество без магии — только разум, сталь и время.

Содержание

КНИГА 1: «ПРОКЛЯТЫЙ ХОЛМ»	5
ПРОЛОГ: «ИСЧЕЗНОВЕНИЕ»	5
ГЛАВА 1: «ЧУЖИЕ ГОЛОСА»	18
Глава 2	38
«Хранитель»	38
Глава 3	74
«ЗАМКОВЫЙ ДВОР»	74
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Anat_Li

ЧУЖОЙ ВЕК

КНИГА 1: «ПРОКЛЯТЫЙ ХОЛМ»

ПРОЛОГ: «ИСЧЕЗНОВЕНИЕ»

Париж, Национальная библиотека Франции. Осень 2023 года.

В читальном зале пахло старой бумагой — тем особенным запахом, который не спутаешь ни с чем. Он въелся в стены, в ковры, в одежду посетителей. Он пах вечностью, тишиной и знанием, которое ждало своего часа. Алекс сидел за длинным дубовым столом в самом дальнем углу. Перед ним лежала раскрытая книга XIV века — потёртый кожаный переплёт, пожелтевшие страницы, выцветшие чернила. Он работал с этим манускриптом уже четвёртый час, и глаза начали слезиться от напряжения. Он потёр переносицу, откинулся на спинку стула и посмотрел в окно.

За стеклом — серое парижское небо, моросит дождь. Сентябрь в Париже всегда был серым, но сегодня особенно тоскливым. Капли стекали по стеклу, размывая очертания крыш, и Алекс подумал о том, что дождь идёт уже третий день, а завтра они с Мари поедут в Бретань. На выходные. Не отдыхать — они почти никогда не отдыхали, — а проверить одно место, которое он нашёл в старых картах. Холм у деревни

Кемерк'н. Старая церковь Святого Петра, которая исчезла с карт в XVI веке.

Он перевёл взгляд на книгу. На 47-й странице — запись монаха, датированная 1587 годом:

«Приход Кемерк'эр был перенесён на новое место по указу епископа. Причина — неурожай и болезни, поразившие старую землю. Церковь Святого Петра была разобрана по камням и перестроена на новом месте».

Алекс задумался. Неурожай и болезни — обычное дело для XVI века. Но почему епископ решил, что перенос деревни поможет? И почему старая земля осталась пустовать? Обычно такие места заселяли снова, даже если они считались «плохими». Но Кемерк'н осталась пустошью. В XVII веке местный священник писал в дневнике:

«Старый холм у Кемерк'эр проклят. Кто входит туда — не возвращается. Говорят, там открываются врата в иной мир».

Алекс усмехнулся. Легенды. Он не верил в легенды. Но что-то в этой записи зацепило его.

Он открыл ноутбук и начал искать другие упоминания о Quimerc'h. Через час он нашёл ещё одну запись, датированную 1347 годом — время чумы, Столетней войны, голода. В хрониках монастыря Сен-Жермен-де-Пре было сказано:

«В год Господень 1347-й, когда чума пришла в Бретань, люди из Vieux Bourg de Quimerc'h покинули свои дома. Некоторые говорили, что холм, где стояла церковь, стал

чёрным, и из земли шёл дым. Говорили, что это знак, что Господь оставил эти места. Епископ благословил перенос прихода на новое место, но старый холм так и остался пустым. Говорят, что те, кто пытался вернуться, исчезали без следа».

Алекс замер. 1347 год. Чума. Столетняя война. И — исчезновения. Он подумал о том, что это могло быть связано с чем-то реальным. Может быть, там были старые шахты, которые обвалились, и люди проваливались в них? Может быть, болото, которое засасывало тех, кто подходил слишком близко? Но никто не проверял. Никто не искал.

Он закрыл ноутбук и на мгновение задержал взгляд на старом пергаменте. Четыре записи. Четыре века. И одно и то же место, где люди исчезали, не оставляя следов.

Он чувствовал, что это место — не просто точка на карте. Там что-то было. Что-то реальное, что ждало своего часа. Может быть, геологический разлом. Может быть, магнитная аномалия. Может быть, что-то, чего наука ещё не объяснила.

Он не верил в проклятия. Но он верил в факты. А факты говорили: в XIV веке люди исчезали на этом холме. И он хотел знать — почему.

Он посмотрел на часы — 17:30.

Мари обещала прийти через час. Он улыбнулся. Мысль о ней прогнала усталость.

Он представил, как она войдёт в зал — рыжая, небрежно заколовшая волосы на затылке, с карандашом за ухом, кото-

рый то и дело выпадает, и она ловко подхватывает его, не глядя. Как она хмурится над записями, что-то исправляет, снова хмурится. Как она посмотрит на него и улыбнётся, и весь серый день станет светлее.

Он вспомнил, как они встретились — два года назад, в этом же зале, за этим же столом. Она сидела за соседним столом, и он не мог отвести взгляда. Он хотел подойти, но не знал, что сказать. Он сидел и смотрел на неё десять минут, пытаясь придумать повод. Она подняла голову и заметила его взгляд.

— *Вы что-то ищете?* — спросила она с лёгкой улыбкой.

Он смутился, но взял себя в руки.

— *Я ищу карту XIV века. Вы не видели?*

— *Какую именно? У нас их триста штук.*

— *С Бретанью. Побережье.*

— *Я работаю с такими. Можете посмотреть, если хотите.*

Он подошёл к её столу. Она отодвинулась, давая ему место, и он почувствовал её запах — что-то цветочное, лёгкое, совсем не книжное.

— *Я Мари,* — сказала она.

— *Алекс.*

Они проговорили три часа. О картах, о книгах, о XIV веке, о том, как она боится пауков и любит красное вино. Когда она сказала, что ей пора, он понял, что не хочет отпускать её.

— *Я могу проводить вас до метро,* — сказал он.

— *Можно.*

Они вышли из библиотеки. Шёл дождь. Она стояла под козырьком, смотрела на мокрую улицу и говорила:

— *Я бы хотела, чтобы вы пригласили меня ещё раз.*

— *Я приглашаю.*

— *Когда?*

— *Завтра. В кафе на улице Ришельё. Там подают лучший горячий шоколад в Париже.*

— *Тогда я приду.*

На следующий день она пришла. И через день. И через неделю. Через месяц она осталась у него ночевать впервые. Через три месяца он понял, что не может без неё. Через год он понял, что любит ее.

Он помнил ту ночь — первую, когда она осталась. Помнил, как она стояла у окна его маленькой студии, глядя на огни Парижа. На ней была его рубашка — слишком большая, она сползала с плеча. Он подошёл сзади, обнял её, прижался губами к её шее. Она выдохнула — не слова, а просто звук, от которого у него перехватило дыхание.

— *Я не хочу уходить,* — сказала она.

— *Тогда не уходи,* — ответил он.

Она развернулась к нему. В её глазах было что-то такое, что он не мог назвать. Но он чувствовал это всем телом.

— *Ты слишком много думаешь,* — прошептала она. — *Просто будь со мной. Прямо сейчас.*

Он потерял счёт времени. Была только она. Её руки на

его спине, её губы — мягкие, требовательные, изучающие его так, будто она всю жизнь ждала этого момента. Когда всё стихло, она лежала рядом с ним, её голова покоилась у него на плече, и он чувствовал её дыхание — ровное, спокойное.

— *Ты сделал меня счастливой,* — сказала она тихо.

— *Я ещё не начал,* — ответил он.

Она засмеялась и прижалась к нему крепче.

Они ходили в маленькие кафе на Монмартре, где подавали горячий шоколад в чашках с толстыми стенками. Она заказывала круассан и всегда отламывала ему кусочек. Она рисовала на салфетках смешные картинки — и он хранил их, аккуратно складывая в конверт.

Она оставалась у него почти каждую ночь. У неё всегда была с собой зубная щётка, сменная футболка и книга, которую она читала перед сном. Она говорила, что не может заснуть без книги. Он говорил, что не может заснуть без неё.

Однажды она сказала:

— *Алекс, ты когда-нибудь думал о том, что мы могли бы жить вместе?*

Он замер.

— *Я думал.*

— *И что?*

— *Я думаю, что хочу этого.*

— *Тогда живи со мной,* — она улыбнулась.

Он обнял её и подумал: «Я хочу, чтобы она была моей женой».

Эти воспоминания согревали его даже сейчас, в сыром парижском читальном зале. Он улыбнулся, закрыл ноутбук и начал собирать вещи. Завтра они поедут в Бретань. Завтра он покажет ей холм, который нашёл на старых картах.

Они ехали три часа. Она включила музыку — что-то французское, лёгкое, что он никогда не слушал бы один. Но когда она пела в такт, он улыбался и не обращал внимания на дождь за окном.

— *Ты счастлив?* — спросила она.

— *Сейчас — да.*

— *А что будет, когда мы приедем?*

— *Буду счастлив дальше.*

Она засмеялась.

— *Я люблю тебя, Алекс.*

Он повернул голову и встретил её взгляд.

— *Я тоже люблю тебя, Мари.*

Отель оказался маленьким, с белыми стенами и голубыми ставнями. Комната была крошечной — кровать, окно с видом на море, ванная, в которой можно было повернуться только боком. Но они смотрели на всё это и не видели недостатков.

— *Как здесь уютно,* — сказала Мари, бросая сумку на кровать и подходя к окну. Ветер с моря трепал занавески, и она на мгновение замерла, глядя, как волны разбиваются о берег.

Он подошёл к ней сзади. Обнял. Положил подбородок ей

на плечо.

— *Ты хотела у моря,* — сказал он.

— *Я хотела тебя,* — поправила она.

Он медленно развернул её к себе. В свете уличного фонаря её глаза казались янтарными, и она смотрела на него с той же нежностью, с которой смотрела в библиотеке, когда они встретились.

— *Ты думаешь, мы можем быть счастливы?* — спросила она.

— *Я в этом уверен,* — ответил он.

Они стояли у окна, не отрываясь друг от друга, пока волны бились о берег и ветер хлопал ставнями. Потом он подхватил её на руки — она ахнула и засмеялась, когда он бросил её на кровать.

— *Что если мы останемся здесь? Навсегда?* — сказала она.

— *Я не против.*

— *Ты серьёзно?*

— *Я серьёзно, Мари.*

Она приподнялась и посмотрела на него.

— *У нас будет дом у моря,* — сказала она. — *И дети. И библиотека, где мы будем сидеть вместе.*

— *И ты будешь рисовать карты для меня,* — добавил он.

— *А ты будешь рассказывать мне истории о XIV веке.*

— *Я буду рассказывать тебе истории о нас.*

Она поцеловала его в грудь.

— *Тогда я согласна.*

Он засмеялся.

— *На что?*

— *На всё.*

Утром они стояли на вершине холма у Vieux Bourg de Quimerç'h. Ветер дул с моря, холодный, солёный. Внизу — пустошь. Трава, камни, ничего больше. За ней, на юго-западе, угадывался залив Дуарнене, и горизонт тонул в серой дымке.

Алекс достал планшет, открыл записи. Он показывал Мари карту, старые хроники, рисунки монахов.

— *Здесь была церковь Святого Петра,* — сказал он.

— *И что с ней случилось?*

— *Её разобрали по камням. Перенесли в другое место. Но старый холм остался.*

— *Почему?*

— *Говорят, что он проклят. Что люди исчезали здесь.*

Она улыбнулась.

— *Ты веришь в это?*

— *Я не верю в проклятия. Но я хочу узнать, что случилось.*

Она села на траву. Алекс сел рядом.

— *Мы поженимся,* — сказала она.

— *Я помню.*

— *Ты не передумал?*

— *Нет. Ты уже моя жена. Просто мы не подписали бу-*

маги.

Она рассмеялась.

— Алекс, — сказала она тихо, — *если бы мы жили в XIV веке, что бы ты делал?*

— *Я бы строил дом для тебя,* — ответил он. — *И защищал бы тебя.*

— *А если бы тебя не было?*

— *Я бы нашёл тебя.*

Она сжала его руку.

— *Ты всегда находишь меня.*

Они сидели молча, глядя на море, на чаек, на закат.

— *Я принесу чай,* — сказала она.

— *Хорошо.*

Она встала, поцеловала его в макушку и спустилась вниз.

Алекс остался один. Он смотрел на море, на закат, на пустошь. Ему казалось, что он чувствует что-то странное — как будто земля под ним дышит. Как будто время замерло.

Он достал планшет, чтобы записать свои впечатления. Руки дрожали.

«Я чувствую, что это место — особенное. Я не знаю, что это. Может быть, магнитная аномалия. Может быть, просто совпадение. Но я чувствую, что должен быть здесь. Ветра почти нет, хотя на море шторм. Земля под ногами... она дрожит. Едва заметно, но дрожит. Я не знаю, что это значит».

Он поднял голову. Закат был красивым — оранжевый,

розовый, золотой. Он улыбнулся, представив, как расскажет Мари о своих ощущениях. Она скажет, что он слишком много думает. Она скажет, что он должен просто наслаждаться моментом.

Он закрыл глаза на секунду. Холодный ветер дул в лицо. Он думал о Мари. Об их будущем. О доме у моря.

Он открыл глаза — и замер.

Вокруг — лес. Не тот, что он видел минуту назад. Другой. Деревья выше. Гуще. Воздух холоднее, с запахом дыма и гнилой листвы.

Он встал. Руки дрожали. Планшета рядом не было.

Он позвал Мари — тишина.

Он не понимал, что произошло. Он не знал, где он.

Сердце колотилось где-то в горле. Он оглянулся — холм исчез. Вместо него — только лес, дикий, первобытный, без единого следа человеческой жизни. Ни тропы, ни столба, ни обрывка провода.

— *Мари?! —* закричал он, и голос его сорвался. — *Мари, ты здесь?! —*

Тишина. Только ветер в кронах, капли воды, падающие с листьев, и его собственное дыхание — частое, прерывистое.

Он сделал шаг. Ветка хрустнула под ногой. Лес молчал.

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Это сон. Это не может быть реальностью. Он просто устал, переработал, у него галлюцинация. Он сейчас закроет глаза, откроет — и снова будет холм, Мари с чаем, закат.

Он закрыл глаза. Открыл.

Лес не исчез.

— *Я не верю в проклятия*, — прошептал он в пустоту. — *Я не верю в проклятия.*

Но земля под ногами дрожала. И он знал: это не его воображение.

Внизу, на холме, Мари поднималась с двумя кружками чая.

— *Алекс, я принесла...* — начала она, но замерла.

Алекса не было.

Планшет лежал на траве — там, где он сидел минуту назад. Она подошла, подняла его. Экран был включён. На нём — его последняя заметка:

«Я чувствую, что это место — особенное. Я не знаю, что это. Может быть, магнитная аномалия. Может быть, просто совпадение. Но я чувствую, что должен быть здесь. Ветра почти нет, хотя на море шторм. Земля под ногами... она дрожит. Едва заметно, но дрожит. Я не знаю, что это значит».

Мари смотрела на экран. Она перечитывала строчку за строчкой. Она видела, что он писал это — здесь, на этом холме, минуту назад. А потом — исчез.

Она опустилась на колени. Чай пролился на траву.

Она смотрела на пустошь, на море, на закат.

Она не знала, где он. Но она знала: он жив.

И она будет искать.

ГЛАВА 1: «ЧУЖИЕ ГОЛОСА»

Холод не просто вернулся — он вонзился в тело сотней ледяных игл.

Это был не тот мягкий, свежий бриз с пролива Ла-Манш, который пару часов назад трепал волосы Алекса в Пемполе. Этот холод пах прелой, полусгнившей листвой, сырым торфом и тяжелой, застоявшейся влагой, от которой на губах оставался солоноватый привкус.

Алекс открыл глаза. Первым, что он увидел, был смыкающийся над головой тяжелый, мертвенный купол из ветвей. Всполохи серого дневного света с трудом пробивались сквозь переплетенные кроны исполинских дубов и ясеней. Он лежал на боку, уткнувшись лицом в пук сырого мха, и чувствовал, как холодная земля вытягивает тепло из его тела.

— *Мари?*.. — Голос прозвучал глухо, хрипло, будто связки задеревенели.

Ответа не последовало. В лесу стояла оглушительная, давящая тишина. Ни гула автомобильных моторов с трассы N12, ни далекого шума летящих самолетов, ни даже привычного свиста птиц. Только редкое, тяжелое падение капель воды с верхушек деревьев на пожухлую траву.

Алекс сел, преодолевая тошноту и резкую, пульсирующую боль в затылке. Пальцы касались синтетической ткани его

синей ветровки. На нем все еще были прочные трекинговые ботинки, джинсы и плотный свитер. На запястье левой руки тихо тикали наручные часы. Циферблат показывал 14:20.

Но вокруг не было ни парковки, ни асфальтированной тропы, ни информационного щита с логотипом Французского института археологии.

Память возвращалась толчками, подобно вспышкам старой киноплёнки. Библиотека Сорбонны. Старый, рассыпающийся в пыль манускрипт XVI века. Пожелтевший пергамент, на котором латинская скоропись выводила забытое название: *Kermerch* — Кемерк'эр. Поселение, исчезнувшее с карт после Столетней войны и Моровой язвы. И короткая, странная приписка на полях: *«Холм сей проклят и извергает нечестие. Иже ступит на него в час тумана — отворотит лик свой от века сего и вовек не возвратится»*.

Алекс тогда лишь усмехнулся. Для него, молодого историка-медиевиста, специализирующегося на аграрной экономике XIV века, это была просто красивая легенда, фольклорный мусор, коим изобиловали бретонские предания. Они с Мари — его Мари, с её смеющимися зелёными глазами и вечной привычкой завязывать непослушные каштановые волосы в небрежный узел — решили совместить научную разведку с небольшим уикендом.

Он помнил, как они поднимались на холм. Заросшие вереском валы, странная, почти правильная овальная форма вершины. Помнил, как воздух неожиданно стал густым и

плотным, словно кисель. Потом начался гул. Низкий, вибрирующий гул, от которого заломило зубы, а земля под подошвами ботинок будто поплыла, превратившись в зыбучий песок.

Мари пошла вниз, к их «Пежо», чтобы принести из багажника термос с горячим чаем. *«Я быстро, Алекс! Не уходи без меня!»* — её голос ещё звучал у него в ушах.

Вспышки не было. Не было ни грома, ни молний. Просто весь мир на секунду потерял резкость, словно в объективе старого фотоаппарата крутанули кольцо фокуса, а затем земля ушла из-под ног.

Алекс поднялся. Его ноги подгибались, а в голове всё ещё стоял этот мерзкий, ультразвуковой писк.

— *Мари!* — кричал он во весь голос, поворачиваясь во все стороны. — *Мари, ты где?! Это не смешно!*

Лес ответил лишь равнодушным капанием воды.

Он сделал несколько шагов, спотыкаясь об огромные, поросшие лишайником корни. Этот лес казался неправильным. В современной Бретани не существовало таких диких, необработанных массивов. Каждая роща, каждый лесопарк во Франции были подмерены, расчерчены просеками, зажаты между частными владениями и шоссе. Здесь же гигантские деревья стояли так плотно, а подлесок из терновника и валежника был настолько непроходим, что казалось, сюда не ступала нога человека с эпохи друидов.

Спустя минут пятнадцать бесцельного метания по буера-

кам до его слуха донесся звук.

Это был не шум мотора. Не гул пролетающего пассажирского лайнера. Это был треск сухой древесины, глухие человеческие голоса и тонкая, еле заметная струйка сизого дыма, поднимавшаяся над кронами деревьев метрах в трёхстах к востоку.

— *Слава богу...* — выдохнул Алекс, вытирая пот со лба.
— *Какая-то ферма. Или туземный лагерь...*

Он ломанулся сквозь кустарник, не обращая внимания на ветки, цеплявшиеся за куртку. Через пять минут подлесок резко обрывался, и Алекс выскочил на край небольшого холма.

И замер.

То, что открылось его взору, не имело ничего общего с французской деревней XXI века. Не было ни аккуратных каменных домов под черепицей, ни асфальта, ни линий электропередач, ни спутниковых тарелок.

Пред ним лежало поселение. Оно состояло из пары десятков приземистых, кривых построек, сложенных из неотёсанного, тёмного булыжника и грубых брёвен, скрепленных подсохшей глиной. Крыши были низкими, тяжелыми, крытыми толстым слоем соломы, поверх которой разросся зелёный дёрн и сорняки. Из дыр в соломе — никаких дымоходов здесь не было — валил вонючий, едкий дым, стелющийся по земле.

Деревню окружал низкий, перекошенный плетень из иво-

вых прутьев. А между домами простиралось единое месиво из грязи, навоза, соломы и помоев, в котором по колено увязали свиньи.

В воздухе стояла оглушительная, бьющая в нос смесь запахов: навоз, сторовевший жир, сырая шерсть, нечистоты и мокрая солома.

— *Что это...* — пробормотал Алекс, чувствуя, как внутри разрастается холодный, липкий страх. — *Исторический парк? Реконструкторы?*

В этот момент на пороге ближайшей лачуги появилась фигура.

Это была женщина. На ней было длинное, мешковатое платье из грубой, неотбелённой шерсти грязно-серого цвета, перехваченное на талии простой бечевкой. На голове — засаленный холщовый чепец, полностью скрывавший волосы. В руках она держала тяжелую деревянную бадью. Лицо её было тёмным от копоти, загара и въевшейся грязи, с глубокими, сухими морщинами вокруг рта.

Алекс сделал шаг вперёд, выходя из тени деревьев.

— *Здравствуйте!* — крикнул он по-французски, пытаясь придать голосу максимально дружелюбный тон. — *Вы меня понимаете? Помогите, пожалуйста, я потерялся! Pardonnez-moi, madame!*

Женщина замерла. Поворот её головы был резким, как у испуганного животного.

Её глаза — выцветшие, желтоватые — расширились от

ужаса. Взгляд скользнул по ярко-синей куртке Алекса, по его странным ботинкам с блестящими металлическими люверсами, по его стриженным волосам и аккуратной бороде.

Для неё он не был человеком. Он был чудовищем. Порождением тумана.

Бадья с оглушительным стуком выпала из её измождённых рук, выплеснув вонючие помои прямо в грязь. Женщина издала дикий, гортанный, абсолютно нечеловеческий крик, схватила за шиворот чумазого, босоногого ребенка, крутившегося у порога, и буквально задом влетела в темноту своего жилища, с грохотом задвинув изнутри тяжелый деревянный засов.

— *Эй! Погодите!* — Алекс побежал вниз по склону, увязая ботинками в липкой грязи. — *Я не причиню вам вреда!*

Но крик женщины уже подхватила вся деревня.

Двери лачуг начали распахиваться с треском. Из тёмных, прокуренных нутровищ построек начали выскакивать люди. Мужчины — согнутые, жилистые, в рваных суконных кафтанах и поршнях из сыромятной кожи, женщины, прижимавшие к себе напуганных детей.

И у каждого мужчины в руках было оружие.

Это были не мечи и не арбалеты. Это были тяжелые деревянные вилы с окованными железом зубьями, массивные цепи для молотьбы зерна, дубовые дубины и косы, переделанные в примитивные пики.

Они окружили его в считанные секунды. Насмерть пере-

пуганная, а потому смертельно опасная толпа полуголодных людей зажала Алекса между глубокой лужей навоза и перекошенным плетнём.

— *Послушайте!* — Алекс поднял руки вверх ладонями вперёд, демонстративно показывая, что у него ничего нет. Руки мелко дрожали. — *Я без оружия! Je suis seul! Позовите кого-нибудь, кто говорит по-французски!*

Толпа ответила глухим, угрожающим рыком.

До ушей Алекса долетали слова, но это был не французский язык. Это была смесь резких, лающих, щелкающих звуков, изобилующая твердыми согласными. Кельтская речь. Древний бретонский диалект, который Алекс знал лишь по сухим лингвистическим монографиям и фрагментам средневековых текстов.

Вперёд вышел высокий, широкоплечий мужчина лет сорока. На нём был засаленный кожаный фартук поверх сермяжной рубахи, а в руках он сжимал тяжелый, потемневший от времени топор для рубки дров. Его лицо, заросшее густой чёрной бородой, выражало дикую, первобытную ярость.

— *Айзер!* — выплюнул он, указывая лезвием топора прямо в грудь Алексу. — *Дигваер! Дьявол!*

— *Нам нужен... нам нужен кто-то разумный,* — заговорил Алекс, чувствуя, как ледяной пот стекает по спине под курткой. — *Пожалуйста. Я учёный. Из Парижа... De Paris!*

Мужчины сжали кольцо. Расстояние между лезвием топора и грудью Алекса сократилось до полуметра. В глазах этих

людей не было ни грамма любопытства. Там был только животный, панический страх перед непонятным чужаком, одетым в «бесовские» цвета, который пришёл со стороны проклятого холма.

А в XIV веке страх перед нечистой силой лечился только одним способом.

— *Убейте его!* — визгливо закричал кто-то из задних рядов на бретонском. — *Он с холма! Сжечь колдуна, пока он не навёл порчу на скот!*

Бородач с топором замахнулся. Мышцы на его жиливатых руках натянулись. Алекс инстинктивно зажмурился, сжавшись в комок. В голове пронеслась безумная, дикая мысль: *«Боже мой, я умру здесь. Навоз, вилы и топор. Меня забудут как собаку крестьяне в Средневековье»*.

Но вместо удара топора он почувствовал, как что-то тяжёлое с силой врезалось ему в спину. Это была вила. Удар сбил его с ног, и он упал лицом в грязь, захлебнувшись холодной вонючей жижей. Кто-то навалился сверху, прижимая его к земле. Он услышал крики, брань, почувствовал, как грубые руки рвут его одежду.

— *Куртка! Снимите её!* — кричал кто-то на бретонском.
— *Проверьте, нет ли под ней чешиу!*

Его вывернули, перевернули, швырнули на спину. Алекс открыл глаза и увидел над собой лица — злые, испуганные, с безумным блеском в глазах. Кто-то схватил его за ворот куртки и рванул. Синтетическая ткань затрещала, но не под-

далась.

— *Режьте её!*

Чей-то нож скользнул по груди, разрезая молнию. Куртка распахнулась, и крестьяне с криками разочарования и ужаса увидели под ней обычный свитер и джинсы.

— *Снимайте всё! До гола!*

Алекс попытался сопротивляться, но его держали четверо. Чьи-то руки рвали одежду, сдирали свитер, расстёгивали ремень, стягивали джинсы. Он кричал, задыхался, но никто не слушал. В какой-то момент чей-то тяжёлый кулак врезался ему в лицо. Голова мотнулась в сторону, и он почувствовал, как по губам и подбородку потекла тёплая, солёная кровь.

— *Проверьте, нет ли на нём клейма!*

Его снова перевернули, шаря по спине, по ногам, по рёбрам. Алекс чувствовал, как его тело избивают, ощупывают, как грубые пальцы раздирают кожу. Ему казалось, что это никогда не кончится.

— *Он человек!* — крикнул кто-то. — *Под одеждой — обычная кожа!*

— *Но откуда у него такая одежда?*

— *Он с холма!*

— *Убейте его!*

Кто-то занёс ногу для удара. Алекс зажмурился, ожидая, что сейчас его раздавят. Но удара не последовало.

Вместо этого раздался громкий, властный голос, пере-

крывший шум толпы:

— *Отставить! Пошли вон!*

Толпа качнулась назад. Алекс, дрожащий, голый, мокрый от грязи и крови, попытался подняться на локтях. Он видел, как крестьяне расступаются перед высоким стариком с длинной седой бородой и сучковатым посохом в руке.

Из глубокой тени между двумя полуразвалившимися лагунами медленно вышел Этьен.

Он был высок, хотя годы и тяжёлый труд согнули его спину. Длинная, абсолютно седая борода спускалась почти до пеньковой верёвки, выполнявшей роль пояса. Старик был одет в длинную тунику из грубой, тёмно-коричневой шерсти. Его лицо напоминало потрескавшуюся дубовую кору — смуглое, изрезанное глубокими морщинами. Но глаза — светлые, выцветшие, практически серые — смотрели на мир с пугающей цепкостью.

Он повернулся к крестьянам и заговорил на бретонском — резко, гортанно, с командными нотками:

— *Назад, Мартин!*

Бородач с топором заколебался. Его руки дрожали, но опустить оружие он не решался.

— *Он с проклятого холма, Этьен! —* рявкнул он. — *Он вышел из тумана! Взгляни на его обличье! На нём была шкура невиданных зверей, синяя как яд! Он нашьёт мор на скот! Он сглазит хлеб!*

— *Сложить костёр прямо здесь, пока солнце не село! —*

закричал кто-то из толпы.

Этьен не повысил голоса. Он говорил спокойно, почти с жалостью:

— *Твой отец был дураком, Мартин, и ты унаследовал его уми. Взгляни на него внимательнее. Разве духи кровоточат? Разве бесы трясутся от холода, как сухие листья на ветру?*

Он поднял свой посох и кончиком сухой древесины указал на лицо Алекса. Алекс почувствовал, как по щеке стекает струйка крови. Кто-то из крестьян разбил ему нос, и теперь кровь смешивалась с грязью на его лице.

Этьен сделал ещё два шага вперёд и остановился прямо перед Алексом. Он наклонился и подобрал с земли то, что осталось от его куртки — кусок ярко-синей синтетической ткани. Он повертел её в руках, внимательно осмотрел швы, пластиковую молнию.

— *Что это?* — тихо спросил он на бретонском.

— *Это его одежда, Этьен!* — крикнул Мартин. — *Мы сняли её с него! Она не из кожи! Она из чего-то другого, чего мы не знаем!*

Этьен поднял глаза на Алекса. В его взгляде читалось сложное выражение — недоверие, любопытство и что-то ещё, что Алекс не мог понять.

Затем старик произнёс на ломаной, но вполне внятной латыни с тяжёлым галльским акцентом:

— *Quis es tu? Unde venis?* — Кто ты? Откуда пришёл?

Алекс застыл. Сборная латынь, которую он годами штуди-

ровал в Сорбонне, внезапно превратилась из мёртвого языка в единственный мост между жизнью и смертью.

— *Ego... Ego Alex*, — заговорил он, с трудом подбирая слова и пытаясь заглушить дрожь в голосе. — *Non sum daemon. Homo sum...*

Он запнулся, не зная, как сказать «из будущего».

— *De... de futuro?* — неуверенно произнёс он. — *Ex anno duo milia et viginti tres.*

Этьен нахмурился:

— *Duo milia?*

— *Sic*, — кивнул Алекс. — *Post Christum natum.*

Старик долго молчал, всматриваясь в лицо Алекса. Затем он поднял голову и обвёл взглядом крестьян.

— *Он говорит на языке Святой Церкви*, — сказал он по-бретонски. — *Вы хотите пролить кровь того, кто говорит на латыни? Барон де Монфор повесит вас всех на воротах замка, если узнает, что вы забили до смерти посланника!*

Имя барона подействовало как холодный душ. Крестьяне переглянулись. Страх перед местным феодалом был осязаемое и страшнее, чем страх перед лесной нечистью.

— *Заприте его в хлев до утра*, — сказал Этьен. — *Он останется под замком до рассвета. Если он колдун — мы увидим, что будет с ним ночью. Если он человек — он доживёт до утра.*

Мартин хотел возразить, но Этьен посмотрел на него так, что староста проглотил слова.

Двое крестьян схватили Алекса за руки и поволокли к покосившемуся строению в конце деревни. Алекс не сопротивлялся. Он был слишком слаб, слишком разбит и слишком напуган. Он позволил увести себя, чувствуя, как холодный воздух обжигает обнажённую кожу.

Хлев оказался маленьким, тёмным, пахнущим навозом, сырой соломой и старой гнилью. Крестьяне швырнули его на пол, и дверь с грохотом захлопнулась. Тяжёлый деревянный засов с лязгом задвинулся.

Алекс остался один в темноте. Голый, мокрый, избитый, дрожащий от холода.

Он лежал на сырой соломе и чувствовал, как боль разливается по всему телу — ноющая боль в рёбрах, пульсирующая боль в разбитом носу, тупая боль в скуле, которая начала опухать. Он прикоснулся пальцами к лицу и почувствовал влажную, липкую кровь.

Он не знал, что будет дальше. Он знал только одно: он должен выжить.

Ночь прошла медленно. Алекс не спал. Он зарылся в сено, пытаясь согреться, и слушал, как за стенами хлева стихают голоса крестьян. Где-то в углу возились крысы, ветер завывал в щелях, и холод пробирал до самых костей.

Он думал о Мари. О том, что она, возможно, ищет его. О том, что она никогда не узнает, что с ним случилось. Он думал о своей квартире в Париже, о книгах, о компьютере, о привычной, безопасной жизни.

Здесь не было ничего безопасного.

К утру он перестал чувствовать холод. Он просто существовал в какой-то серой, полубессознательной зоне между сном и явью, когда дверь скрипнула и в проёме возник чей-то силуэт.

— *Tu vivis*, — раздался голос Этьена. — *Veni tecum*. — Ты жив. Идём со мной.

Алекс с трудом поднялся. Ноги затекли, тело болело, голова кружилась. Он шагнул к двери, шатаясь, и Этьен подхватил его под руку.

— *Veni*, — повторил старик. — *Cito*. — Идём. Быстро.

Он повёл Алекса через деревню к своей избе. Крестьяне, уже проснувшиеся, провожали их взглядами, полными страха и недоверия, но никто не остановил их.

В избе Этьена было тепло и пахло сушёными травами. Старик усадил Алекса на скамью у очага, накрыл его грубым шерстяным одеялом и дал ему глиняную кружку с тёплой водой.

Алекс пил жадными глотками, чувствуя, как жизнь возвращается в его замёрзшее тело.

В этот момент в дверь постучали. Кто-то из крестьян просунул в щель узел с остатками одежды Алекса — порванная куртка, разрезанные джинсы, разбитые часы, искорёженные ботинки. Этьен молча поднял всё это, осмотрел, а затем бросил в очаг.

Ткань и пластик зашипели, задымились, распространяя

едкий, химический запах. Алекс смотрел, как его вещи сгорают, и чувствовал, как рвётся последняя нить, связывающая его с домом.

Но одна вещь не сгорела. Этьен поднял с пола складной нож, который выпал из кармана джинсов. Он осмотрел его со всех сторон — чёрная пластиковая рукоятка, стальное лезвие, странный механизм. Затем он положил нож на сундук и закрыл крышку.

Алекс хотел что-то сказать, но не знал, как объяснить, что это его.

Вместо этого Этьен подошёл к сундуку, достал из него старую одежду — рубаху из грубого льна, серую шерстяную тунику, штаны из сукна, кожаный пояс и кожаные постолы на мягкой подошве.

— *Pone hoc*, — сказал он. — *Tuum est nunc*. — Надень это. Теперь это твоё.

Алекс молча переоделся. Ткань кололась, пахла дымом и овечьим жиром, но она была тёплой.

Этьен протянул ему кусок полированного металла. Алекс поднёс его к лицу и увидел своё отражение — разбитый нос, запёкшаяся кровь, опухшая щека, синяк под глазом. Он не узнавал себя.

— *Nunc tu es homo*, — сказал Этьен. — *Nunc non es alienus*. — Теперь ты человек. Теперь ты не чужой.

Он сел напротив Алекса и начал говорить. Его латынь была ломаной, с тяжёлым бретонским акцентом, но Алекс по-

нимал.

— *Quis es tu? Unde venis?* — повторил он свой вопрос.

— *Ego... Ego Alex,* — ответил Алекс. — *Non sum daemon. Homo sum... De futuro...*

— *De futuro?* — переспросил Этьен. — *Tu dicis... tu es venturus... ex tempore futuro?* — Ты говоришь... ты пришёл из будущего времени?

— *Sic,* — кивнул Алекс. — *Ex anno duo milia et viginti tres.*

— *Duo milia?* — Этьен покачал головой. — *Hoc est... duo milia anni?* — Это... две тысячи лет?

— *Sic.*

Этьен долго молчал. Затем он поднялся, подошёл к сундуку, достал из него книгу в кожаном переплёте и раскрыл её перед Алексом.

— *Lege,* — сказал он. — *Et intelliges.* — Читай. И поймёшь.

Алекс читал. Записи о пришельцах с холма — 1182, 1264, 1310 годы. Все они пришли с холма. Все исчезли или погибли.

— *Tres tantum?* — спросил он. — *Tres homines... per centum triginta annos?* — Только трое? Трое людей... за сто тридцать лет?

— *Tres tantum,* — ответил Этьен. — *Sed... fortasse plures.* — Только трое. Но... возможно, больше.

Он закрыл книгу и посмотрел на Алекса.

— *Nomen tuum non est Alex,* — сказал он. — *Nomen tuum est Johannes. Alex... est nomen alienum. Homines timent. Si audiunt*

"Alex", *timent magis. Si dicis "Johannes" — non timent.*

— *Intellegit*, — кивнул Алекс. — *Ego sum Johannes.*

Этьен снова подошёл к сундуку и достал нож.

— *Hoc... non est de hoc mundo*, — сказал он. — *Hoc est... de futuro?*

— *Sic... Est de futuro.*

Этьен протянул нож Алексу.

— *Tuum est. Serva eum. Sed... nemo scit de hoc. Si aliquis videt... interficient te.* — Это твоё. Храни его. Но... никто не должен знать. Если кто-то увидит... они убьют тебя.

Алекс взял нож. Он чувствовал холод металла, знакомую текстуру пластика. Он спрятал его в карман туники.

— *Servabo eum*, — сказал он. — *Servabo.* — Я сохранию его. Я сохранию.

В этот момент раздался стук. В дверь вбежал запыхавшийся Мартин.

— *Этьен!* — закричал он на бретонском. — *Сборщик налогов! Робер едет!*

Этьен быстро поднялся и повернулся к Алексу.

— *Tu manes in umbra*, — сказал он по-латыни. — *Non loqueris. Si videt te — ego loquor.* — Ты останешься в тени. Не говори. Если он увидит тебя — я буду говорить.

Он вышел из избы. Алекс последовал за ним, остановившись в тени дверного косяка.

Робер въехал в деревню. Он был в суконном плаще поверх кольчуги, с тяжёлым мечом на боку и плетью в руке. За ним

следовали пятеро сержантов.

— *Этьен!* — крикнул он. — *Вылезай из своей норы, старый ворон!*

Этьен вышел навстречу.

— *Приветствую вас, мессир Робер.*

— *Барон требует своё!* — Робер развернул свиток. — *Кемерк'эр задолжал двадцать серебряных марок за прошлый год. Плюс три меры зерна с каждого дыма.*

По деревне пронёсся стон.

— *Мессир...* — попытался возразить Этьен.

— *Мне плевать!* — отрезал Робер. — *Три дня. Если через три дня серебра не будет — сожгу деревню!*

Он окинул ленивым взглядом толпу и заметил Алекса.

— *А это ещё кто?*

— *Это Жан, мессир,* — сказал Этьен. — *Мой племянник из-под Ванна. Его деревню сожгли наемники Блуа. Он чудом выжил, потерял слух и рассудок от страха.*

Робер прищурился. Он смотрел на разбитое лицо Алекса, на опухшую щеку, на синяк под глазом.

— *Потерял рассудок? И теперь он просто так стоит и смотрит на меня?*

— *Он не понимает, что происходит, мессир,* — сказал Этьен. — *Видите его лицо? Его били. Он едва унёс ноги.*

Робер поморщился. Он не любил калек и безумцев. Они были бесполезны.

— *Учти, старик,* — бросил он. — *Три дня.*

Он развернул коня и ускакал, оставляя за собой мёртвую, давящую тишину.

Этьен и Алекс вернулись в избу. Старик сел на скамью и долго молчал, опустив голову.

— *Quid... accidit?* — тихо спросил Алекс. — Что случилось?

Этьен поднял голову. В его глазах было отчаяние.

— *Rapere... nos,* — сказал он. — *Argentum... et frumentum. Rex vult argentum et frumentum.*

— *Quantum?*

— *Viginti marcas... et tres mensuras frumenti.*

Алекс помолчал.

— *Habes?*

— *Non. Nihil.* — Этьен горько усмехнулся. — *Famem. Lutum. Frumentum putridum in foveis.* — Голод. Грязь. Гнилое зерно в ямах.

Алекс смотрел на старика. Он видел человека, который потерял надежду.

— *Possum... succurrere vobis,* — сказал он.

Этьен поднял голову:

— *Quomodo?*

— *Scio... servare frumentum. Scio... facere carnem... non putrescere.*

— *Si erras... interficient te.*

— *Si non tempto... omnes moriemur.*

Этьен заговорил. Он рассказывал о ямах, вырытых в сы-

рой земле, где зерно покрывалось чёрной плесенью за две недели. О солонине, которую они пытались солить, но соли было так мало, что мясо гнило раньше, чем успевало просолиться. О голодных детях, которые плакали по ночам. О женщинах, которые молча смотрели в пустоту.

Алекс слушал. Он не перебивал. Он впитывал каждое слово, каждую деталь.

Когда Этьен замолчал, Алекс поднял голову.

— *Я знаю, что предложить барону вместо денег,* — сказал он. И голос его прозвучал удивительно твёрдо.

Этьен смотрел на него. В его глазах больше не было отчаяния — только усталая, осторожная надежда.

Он медленно кивнул.

— *Жан,* — сказал он. — *У нас есть три дня, чтобы обмануть смерть.*

Алекс поднялся. Ноги гудели, тело болело, но он чувствовал, как внутри него разгорается холодный, расчётливый огонь.

Он достал из кармана туники складной нож. Он сжал его в руке, чувствуя холод металла, знакомую текстуру пластика.

«Я выживу, — подумал он. — Я найду способ вернуться. Или я сделаю так, чтобы этот мир стал лучше». Он убрал нож обратно в карман. Начиналась новая жизнь.

Глава 2

«Хранитель»

Солнце уже стояло в зените, когда Робер со своим отрядом скрылся за лесом. Тишина, повисшая над деревней, была тяжелой, давящей. Крестьяне стояли на выгоне, не зная, что делать дальше. Женщины тихо плакали, уткнувшись лицами в рваные подола. Мартин опустился на бревна у своей избы и зажал голову руками. Три дня. У них было всего три дня, чтобы найти серебро или зерно, которых у них не было.

Этьен повернулся к Алексу. На лице старика не было паники — лишь глубокая, бесконечная усталость человека, видавшего сотни таких трагедий.

— Ну что, «Жан из будущего»? — тихо сказал он полатни. — Ты пришел в наш мир. Вот он — твой новый дом. Через три дня нас всех либо убьют, либо пустят по миру. Твои знания из двадцать первого века могут накормить людей? Или они годны только для того, чтобы писать красивые слова на пергаменте?

Алекс стоял посреди средневековой деревни. Запах навоза, сырой земли и человеческого горя стоял в горле комом. Но внутри него — впервые за все эти жуткие часы — вместо липкого страха пробилась холодная, злобная собран-

ность историка и исследователя.

— *У них нет серебра,* — заговорил Алекс по-латыни, и его голос прозвучал удивительно твёрдо. — *Но у них есть земля, торф и время. Я знаю, как сохранить зерно, Этьен. И я знаю, что предложить барону вместо денег.*

Этьен внимательно посмотрел на него и впервые за весь день слегка накренил голову в знак уважения.

В избе Этьена было тихо. Очаг горел. Алекс сел на скамью, глядя на огонь. Он не спал. Не мог. После того как Робер уехал, он думал. Думал о том, что делать. О том, как спасти этих людей. О том, как спасти себя.

Этьен сидел напротив, опираясь на посох, и молчал. Старик знал: сейчас не время торопить чужака. Алекс сам заговорит, когда будет готов.

— *У вас нет серебра,* — наконец произнес Алекс на ломаной латыни. — *Я видел лица этих людей. Если барон де Монфор заберет скот и зерно, через пару месяцев половина деревни вымрет от истощения, а остатки разбегутся по лесам или сгинут от болезней.*

— *Ты открыл мне Великую Тайну, чужак,* — с едва уловимой саркастичной усмешкой отозвался Этьен. — *Каждый год одна и та же песня. Но в этом году барон зажат в клещи. Война за бретонское наследство между Монфорами и Блуа пожирает всё: железо, коней, людей и хлеб. Сборщик налогов Робер не шутил. Если мы не дадим им то, что можно продать или пустить на прокорм его кнехтам, нас про-*

сто раздавят, как слизней на дороге.

— *Сколько зерна осталось в общих амбарах?* — спросил Алекс.

— *Общих?* — Этьен усмехнулся, покачал головой. — *В общих — только мыши да плесень. Две бочки овса и полтора ластва ячменя, что лежат в житнице, — это наши посевной запас на весну. Если мы его тронем или он сгниет, мы умрём не этой зимой, а следующей.*

— *Раньше мы сеяли по правильному кругу,* — сказал Этьен. — *Три поля: озимые, яровые и пар. Так делали наши отцы и деды. Земля отдыхала, и урожай был добрым.*

— *Раньше?* — переспросил Алекс. — *А теперь?*

— *Теперь война,* — старик покачал головой. — *Два года назад французские наёмники сожгли наш амбар с семенами и угнали волов. На следующий год мы не смогли засеять яровое поле. Ещё через год — озимые. Теперь мы не знаем, что у нас растёт, а что — просто сорняк. Круг сломан. Мы пытались вернуть его, но у нас нет сил и скота.*

— *А мука для хлеба?* — спросил Алекс.

— *Каждая семья хранит своё зерно отдельно. В своих сушеках, в горшках, на чердаках. У каждого свой запас на зиму. Но он тоже портится. Мы не можем печь каждый день — печь топится раз в два дня, и все женщины приходят со своим тестом. Но мука быстро кончается, а запасы... — он показал на тёмное небо, — гниют от сырости.*

Алекс задумался. В его голове, словно файлы в компью-

тере, начали всплывать архивные данные и монографии по средневековому аграрному делу, которые он изучал в Сорбонне. Бретань XIV века страдала не столько от катастрофического отсутствия урожая, сколько от отвратительных условий хранения. Крестьяне хранили зерно в сырых амбарах, в земляных ямах, обкладывали соломой — и хлеб быстро гнил от высокой влажности и грибка.

— Оно гниет, потому что вы храните его в сырой земле и пропускаете воздух, — уверенно сказал Алекс. — Мы изменим это. За два дня мы сделаем то, что сохранит ваш овес до самой весны, и покажем барону то, от чего он не сможет отказаться.

Этьен прищурил свои серые, выцветшие глаза.

— Ты говоришь загадками, Жан. Земля — мать наша, но она мокрая. Как ты заставишь сырость уйти?

— Огонь, зола и сухая мякина, — отрезал Алекс. — Анаэробное хранение. Если обжечь яму изнутри до керамической корки, пересыпать зерно древесной золой и запечатать горловину жирной глиной без доступа воздуха — зерно не просто выживет, оно пролежит три года.

Старик молчал, внимательно всматриваясь в Алекса. По его сухому, изрезанному морщинами лицу пробежала тень глубокой мысли. Этьен был не просто лекарем, он был единственным грамотным человеком в этой глуши, наблюдавшим жизнь поколениями. В отличие от тёмных крестьян, он не боялся нового, если оно имело логику.

— Сухая обожженная глина и зола... — медленно про-
бормотал Этьен по-латыни. — Зола забирает влагу и отго-
няет жука. Я видел, как сухие травы лучше сохраняются в
пепле... Черт возьми, чужак. В этом есть зерно смысла.

— Это только первая часть, — продолжение следовало
безотлагательно. — Роберу нужны не только обещания на
весну. Ему нужно серебро или то, что ценнее серебра прямо
сейчас. Чем вы кормите кнехтов в замке? Сырой солониной
и черствыми сухарями?

— Им дают солонину, которая разит тухлятиной уже к
июлю, и кислое эль, — хмыкнул Этьен. — Солдаты барона
вечно страдают кровавым поносом и гнилыми деснами.

Алекс улыбнулся. Это была не просто улыбка, а азарт ис-
следователя, попавшего в свою стихию.

— Соль и сушка. Мы сделаем для барона копильню и
покажем ему, как заготавливать мясо и рыбу так, чтобы
они не тухли полгода без дорогой привозной соли. Мы дадим
ему технологию. Правители ценят тех, кто умеет кормить
армию.

Этьен тяжело вздохнул, опустился на скамью напротив
Алекса и положил свои сухие, покрытые печеночными пят-
нами руки на стол.

— Ты либо спаситель, которого послали нам небеса, либо
безумец, который ускорит нашу смерть, Жан, — тихо ска-
зал старик. — Завтра на рассвете я соберу сход. Мартин и
остальные не станут слушать чужака. Говорить буду я.

Но делать работу будешь ты. И если твоя «обожженная земля» портит последний овес... я сам отдам тебя Мартину на растерзание.

— *Идет,* — ответил Алекс.

Алекс поднялся. В его глазах горел холодный, расчётливый огонь.

— *Не завтра, Этьен. Сейчас. Времени у нас почти нет. Собери людей прямо сейчас. Пока есть свет.*

Этьен посмотрел на него долгим взглядом, затем медленно кивнул.

— *Хорошо, Жан. Я соберу их.*

На выгоне снова собрались крестьяне. Они стояли молча, переминаясь с ноги на ногу в грязи, и с глухой ненавистью и страхом глядели на Алекса.

— *Зачем ты снова собрал нас, Этьен?* — прорычал Мартин. — *У нас осталось три дня!*

— *Затем, что ждать больше некогда,* — ответил Этьен.

— *Этот человек знает, как спасти нас. Он покажет, как сохранить мясо и зерно. Если мы не попробуем — мы умрём.*

— *Он чужак!* — выкрикнул Поль. — *Он с холма!*

— *Заткнись, Поль!* — рявкнул Этьен. — *Кто хочет жить — берите лопаты и идите за мной! Кто хочет сдохнуть — оставайтесь!*

Старик повернулся и пошёл. Алекс — за ним. Крестьяне заколебались, но страх перед голодом победил страх перед неизвестным. Они пошли.

Алекс остановился на склоне холма за деревней.

— Здесь, — сказал он через Этьена. — *Мы будем строить коптильню. Но сначала — мясо. Пока мы копаем, женщины должны подготовить его.*

Он повернулся к Этьену:

— *Скажи женщинам: пусть принесут всё мясо — свинину, козлятину. Режут его вдоль волокон на длинные полосы, толщиной в два пальца. Жир срезают — он быстро прогоркает. Кости вынимают. Потом пересыпают солью — немного, чтобы вытянуть лишнюю влагу, и оставляют в деревянных бадьях на час-два.*

Этьен перевёл. Женщины закивали и разошлись по домам.

Алекс повернулся к мужчинам:

— *А мы начинаем копать.*

Песчаный холм за выселками возвышался над топистым ручьём, огибавшим деревню. Земля здесь была суше, перемешана с крупным кварцевым песком и мелким гравием — идеальное место для коптильни.

Алекс объяснил, как строить коптильную камеру: траншея длиной три метра, закрытая дубовыми досками и дерном, и срубная будка на верхнем конце. Крестьяне слушали недоверчиво, но Этьен переводил, и в конце концов они взялись за работу.

Они рыли траншеей до самой темноты, выкладывая стены досками, засыпая дерном. Алекс лично проверял каждый

участок.

— *Глубже, —* говорил он. — *Дым должен проходить под землёй, чтобы остыть. Если он будет горячим — мясо сварится.*

Мужчины копали, сменяя друг друга. К вечеру траншея была готова.

На верхнем конце траншеи поставили срубную будку из сырого дубняка, обмазанную изнутри глиной. На нижнем — сложили очаг.

Алекс проверил тягу. Дым из нижней топки проходил по подземному ходу и поднимался в будку, не давая жара — только густой, холодный дым.

— *Теперь нужно принести можжевельных веток и ольховой щепы, —* сказал Алекс, поворачиваясь к Мартину.

Этьен перевёл. Мартин кивнул и куда-то ушёл, не задавая лишних вопросов. Алекс остался у коптильни, проверяя, как идёт дым.

— *Теперь мясо, —* сказал он.

К этому времени женщины уже подготовили мясо. Полосы лежали в бадьях, чуть присоленные, готовые к копчению. Алекс подошёл к столу, где они работали, и проверил каждую полосу.

— *Слишком толсто, —* сказал он, показывая на одну из них. — *Нужно тоньше. Дым не проникнет внутрь — сгниёт.*

Он взял нож и сам показал, как нарезать: вдоль волокон, ровными полосами толщиной в палец.

— *Вот так. И соли не жалейте. Соль вытянет влагу, чтобы мясо не гнило.*

Женщины смотрели, запоминали. Элиза стояла в стороне, наблюдая за ним. В её глазах больше не было холодного любопытства — только внимательное, изучающее наблюдение.

— *Ты делал это раньше,* — сказала она на латыни.

— *Да,* — ответил Алекс. — *Много раз.*

Она не спросила «где». Только кивнула.

Когда все полосы были готовы, Алекс сказал:

— *Теперь можно закладывать.*

Крестьяне подали ему полосы. Алекс показывал, как развешивать их на жердях в будке, чтобы они не касались друг друга. Этьен стоял рядом и переводил каждое его слово на бретонский.

— *Между ними должен быть зазор,* — объяснял Алекс, показывая рукой расстояние между полосами. — *Если будут касаться — не прокопятся.*

Этьен перевёл. Крестьяне закивали, запоминая.

Мартин подошёл с охапкой можжевельных веток и ольховой щепы.

— *Это правильно?* — спросил он.

Этьен перевёл вопрос.

— *Да,* — ответил Алекс, принимая ветки. — *Можжевельник даёт запах. Ольха — дым. Запомните: никакой сосны. Она даёт смолу, мясо будет горчить.*

Этьен перевёл. Крестьяне переглянулись, запоминая.

Когда последняя полоса была развешана, Алекс спустился к топке. Крестьяне столпились вокруг, глядя, что он будет делать.

— *Теперь огонь, —* сказал он. — *Только тлеть. Никакого открытого пламени.*

Этьен перевёл. Крестьяне зашептались, но не отошли.

Алекс показал, как устроена топка: небольшое углубление в земле, обложенное камнями, с отверстием, ведущим в подземный дымоход. Он отступил в сторону и уступил место Мартину.

— *Теперь ты, —* сказал он. — *Покажи им, как это делается.*

Мартин опустился на колени перед топкой. Он достал из-за пояса кожаный мешочек и высыпал на ладонь кресало, кремь и трут.

Алекс смотрел, как староста привычным движением зажал трут между пальцами, подложил под него кремь и коротко, с силой провёл кресалом по острой кромке камня.

Сноп жёлто-оранжевых искр брызнул в разные стороны. Одна из них упала на трут. Мартин осторожно раздул тлеющий огонёк, поднёс его к сухим можжевельным веткам, которые лежали в топке.

Пламя вспыхнуло. Яркое, живое, оно осветило лица крестьян, собравшихся вокруг.

Алекс шагнул вперёд и присыпал огонь золой, чтобы он не разгорался слишком сильно.

— *Хорошо*, — сказал он. — *Теперь дым должен идти ровно. Если огонь разгорится — засыпайте его сырой землёй. Если погаснет — подкладывайте щепу, но понемногу.*

Этьен перевёл каждое слово. Крестьяне слушали внимательно, не отрывая глаз от топки.

Мартин кивнул, не отрывая взгляда от тлеющих углей.

— *Я запомню*, — сказал он.

Алекс показал, как следить за топкой: поддерживать тление, не давая пламени разгораться. Этьен переводил, объясняя каждое движение.

— *Ночью у коптильни должны дежурить двое*, — сказал Алекс. — *Каждые два часа — смена.*

Этьен перевёл. Крестьяне переглянулись, зашептались.

Мартин кивнул:

— *Я сам останусь. И Поль со мной.*

Алекс посмотрел на них. В глазах Мартина больше не было ненависти — только усталое, но твёрдое понимание того, что от этого зависит жизнь деревни.

— *Хорошо*, — сказал Алекс. — *Вот что нужно делать: каждые полчаса проверять, чтобы дым шёл ровно. Если пошёл чёрный дым — значит, огонь разгорелся. Тогда — сырой земли на угли. Если дым стал тонким — добавить щепы. Никакого открытого огня.*

Этьен перевёл. Мартин и Поль слушали, запоминая.

Алекс показал им, как подкладывать щепу, как присыпать золой, как чувствовать, что дым — правильный. Этьен пере-

водил каждое слово, каждое движение.

— *Запомнили?* — спросил Алекс.

Этьен перевёл.

— *Запомнили,* — ответил Мартин.

Они сели у топки — Мартин и Поль, два человека, которые вчера хотели убить Алекса. Теперь они охраняли его коптильню.

Алекс отошёл к будке, проверил тягу. Дым шёл ровно.

Этьен подошёл к нему.

— *Ты работал сегодня, как мы,* — сказал старик. — *Идём в избу. Я накормлю тебя.*

Алекс кивнул. Он обернулся на коптильню — из будки тянулся ровный, сизый дым, пахнувший можжевельником и ольхой.

— *Дым идёт ровно,* — сказал он. — *Хорошо.*

Они пошли в избу.

В избе было тепло. Этьен поставил перед Алексом миску с кашей и кусок хлеба.

— *Ешь,* — сказал он. — *Завтра будет тяжёлый день.*

Алекс ел молча. Он чувствовал, как силы возвращаются к нему.

Дверь скрипнула. В проёме показалась девушка — невысокая, с тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу, и цепким, внимательным взглядом. В руках она держала глиняный горшок с дымящейся похлёбкой и деревянную миску с тёмными, сухими травами.

— *Это Элиза,* — сказал Этьен. — *Моя внучка.*

Она поставила горшок на стол и подошла к Алексу. Она смотрела на его разбитое лицо, на руки в саже и кровоточащие мозоли.

— *Ты копал,* — сказала она. Это был не вопрос, а утверждение.

— *Да,* — ответил Алекс.

Она взяла его ладонь, развернула вверх. Пальцы у неё были тёплыми, сухими, шершавыми от работы с травами и глиной.

— *У тебя мозоли,* — сказала она. — *Настоящие, не книжные.*

— *А что здесь обычно боятся?* — спросил Алекс.

— *Всего,* — ответила она. — *Леса, ночи, чужого слова. Особенно того, что приходит с холма. Ты пришёл с холма. И ты не умер. Значит, либо ты святой, либо безумный.*

Она помолчала, глядя ему в глаза.

— *Я ещё не решила, что из этого хуже.*

Она достала из-за пояса чистый кусок холста, налила на него тёмной, резко пахнущей жидкости и начала перевязывать его лопнувшие мозоли. Движения её были быстрыми, точными, привычными.

— *Это можжевельный настой,* — сказала она, не поднимая глаз. — *Убирает гной и затягивает рану.*

Алекс смотрел на неё. В её глазах не было страха. Только холодное, оценивающее любопытство.

Она закончила, поднялась, взяла пустую миску и на мгновение задержалась у двери.

— *Если тебе понадобится чистый мох или трава от ран,* — сказала она, не оборачиваясь, — *я живу в крайнем доме у ручья. Приходи.*

Она вышла.

Алекс смотрел на ровные, аккуратные повязки на своих ладонях, на запах можжевельника, который остался в воздухе, и чувствовал, что в этом диком, холодном и враждебном мире у него только что появился первый союзник. Не по приказу, не из страха. По выбору.

Этьен налил ему в глиняную кружку горячего настоя.

— *Ты справился с первой задачей, Жан,* — тихо сказал старик. — *Крестьяне больше не хотят разорвать тебя на куски. Мартин сегодня ночью будет молиться за твое здоровье, хотя еще вчера хотел съесть тебя. Но что ты предложишь Роберу через два дня?*

Алекс посмотрел на старика.

— *Завтра мы сделаем яму для зерна,* — сказал он. — *А послезавтра — сухари. Всё будет готово.*

Этьен кивнул:

— *Тогда ложись спать, Жан. Завтра будет долгий день.*

Алекс лёг на скамью, укрылся плащом и закрыл глаза. Впервые за двое суток он засыпал с надеждой.

Рассвет следующего дня пробился сквозь туман тяжелым, свинцовым светом. Алекс проснулся от того, что кто-то тро-

нул его за плечо. Он открыл глаза — над ним стоял Этьен.

— *Surge*, — сказал старик. — *Tempus est*. — Вставай. Вре-
мя пришло.

Алекс сел на скамье. Тело ломило от вчерашней работы, руки горели от мозолей, но он чувствовал себя лучше, чем вчера. Он поел каши, запил водой и вышел из избы.

Туман медленно рассеивался. В воздухе всё ещё пахло можжевельным дымом от коптильни — она работала всю ночь. Мартин сидел у топки, прислонившись спиной к земле. Глаза его были красными от усталости, но он не спал.

Утром Алекс проснулся рано, едва первые лучи солнца начали пробиваться сквозь туман. Он вышел из избы и направился к коптильне. Мартин сидел у топки, прислонившись спиной к земле. Глаза его были красными от усталости, но он не спал.

— *Дым шёл ровно*, — сказал он, когда Алекс подошёл. —
Ни разу не гас.

Этьен, стоявший рядом, перевёл:

— *Он говорит, что дым шёл ровно всю ночь*.

Алекс кивнул, заглянул в топку — угли тлели ровно, без пламени. Из будки шёл тонкий, сизый дым. Мясо начало темнеть, становиться янтарным. Всё шло по плану.

— *Хорошо*, — ответил Алекс. — *Иди спать. Я проверю*.

Этьен перевёл. Мартин покачал головой, устало улыбнувшись:

— *Мы с Полем меняли друг друга ночью. Каждый спал по*

пол ночи. Я готов копать яму.

Этьен перевёл его слова. Алекс посмотрел на старосту — в его глазах больше не было ненависти, только усталая, но твёрдая решимость.

— *Хорошо,* — сказал Алекс. — *Тогда идём. Сегодня мы делаем яму для зерна.*

Он повернулся к крестьянам, которые уже собирались на выгоне с лопатами в руках.

— *Сегодня мы делаем яму для зерна,* — сказал он через Этьена. — *Берите лопаты. Идём на песчаный холм.*

Песчаный холм за выселками возвышался над топистым ручьём. Земля здесь была суше, перемешана с крупным кварцевым песком и мелким гравием — идеальное место для зерновой ямы.

— *Здесь,* — сказал Алекс, останавливаясь на вершине. — *Копаем круглую яму. Глубиной в два человеческих роста. Но главное — форма. Она должна быть похожа на кувшин: узкое горлышко вверху и широкое, круглое дно внизу.*

Мартин, державший в руках тяжелую деревянную лопату, насупился. Он спал всего пару часов, но не жаловался.

— *Зачем копать кувшин, когда проще вырыть квадратную канаву?*

— *Узкое горлышко легко запечатать,* — ответил Алекс через Этьена. — *Чем меньше воздуха внутри, тем дольше спит зерно. Копайте! У нас мало времени.*

Крестьяне переглянулись, но Этьен перевёл, и они взя-

лись за работу. Мужчины сменяли друг друга, выкидывая наружу влажный песчаник. Женщины и подростки оттаскивали землю на плетёных корзинах.

Алекс лично спустился на дно ямы, когда она достигла полутора метров, и деревянной копалкой помогал формировать расширяющиеся стены, следя за тем, чтобы глубина и форма строго соответствовали правилам анаэробных зернохранилищ.

К полудню яма-груша была готова. Её стены блестели от влажного песка и глины.

Алекс вылез на поверхность, тяжело дыша.

— *Теперь — огонь*, — скомандовал он.

— *Огонь? В яму?* — удивился Поль. — *Ты хочешь сжечь землю, чужак?*

— *Принесите сухого валежника, дубовых пней и хвороста*, — ответил Алекс. — *Мы заложим костёр прямо на дне и будем жечь его до самой ночи. Глина на стенах должна спечься в твердую корку, как глиняный горшок. Огонь убьёт всю сырость, всю плесень и всех червей, что живут в земле.*

Крестьяне переглянулись. В их глазах впервые промелькнула искра понимания. Смысл обжига был ясен любому, кто хоть раз видел работу гончара, но никому из них раньше не приходило в голову применить этот простой закон к обычной зерновой яме.

Они начали собирать дрова. Мужчины носили сухие дубовые чурбаки, женщины — хворост. Алекс спустился на дно

ямы и начал укладывать дрова правильным слоем.

— *Не слишком плотно,* — объяснял Алекс, укладывая дрова на дне ямы. — *Воздух должен проходить между поленьями, чтобы огонь горел равномерно.*

Этьен переводил каждое его слово. Крестьяне стояли наверху, глядя, как чужак спускается на дно ямы и правильными рядами укладывает сухие дубовые чурбаки. Когда дрова были уложены, Алекс проверил каждый слой и, убедившись, что всё правильно, выбрался на поверхность.

— *Теперь можно поджигать,* — сказал он, обращаясь к Мартину.

Этьен перевёл.

Мартин опустился на колени у края ямы. Он достал из-за пояса кожаный мешочек с огнивом — кресало, кремь и трут. Привычным движением он высек искру, зажёл трут и поднёс его к охапке сухой соломы, которую держал в руке.

Солома вспыхнула. Мартин подождал, пока пламя разгорится, и бросил пылающий пучок прямо на дно ямы, поверх сложенных дров.

— *Кидайте солому!* — крикнул Алекс. — *Много! Нужно, чтобы дрова занялись сразу.*

Этьен перевёл. Женщины и дети подхватили связки сухой соломы и начали бросать их в яму, поверх тлеющих углей.

Сначала повалил густой, тяжёлый дым. Белые клубы вырывались из узкого горла ямы, застилая глаза и заставляя крестьян кашлять и отворачиваться. Алекс стоял неподвиж-

но, глядя в дым — он ждал.

А потом пламя вспыхнуло.

Оно вырвалось из глубины ямы, живое, оранжево-красное, осветив лица крестьян, собравшихся вокруг. Дым с ревом вырвался из узкого горла, уходя в серое бретонское небо. Мужчины непрерывно подбрасывали в жерло сухие дубовые чурбаки, а Алекс следил, чтобы угли прокаливали стенки равномерно.

— *Не давайте огню гаснуть!* — крикнул он, перекрывая шум пламени. — *Чем горячее, тем лучше!*

Этьен перевёл. Крестьяне, забыв о страхе, работали слаженно, передавая друг другу вязанки дров и поддерживая огонь.

Алекс стоял на краю ямы, чувствуя, как жар обжигает лицо. Он видел, как стены ямы начинали светиться красным, как глина постепенно спекалась в твёрдую корку.

«*Это работает, — подумал он. — Чёрт возьми, это работает.*».

Костёр прогорел к вечеру. Угли остывали медленно, но от ямы всё ещё шёл сильный жар. Алекс стоял на краю, глядя вниз, на раскалённые стены, покрытые тонкой сетью трещин. Он знал: сейчас лезть туда нельзя. Глина ещё не остыла, и если он спустится слишком рано — обожжёт ноги и руки.

Он ждал. Ждал, пока солнце сядет, пока небо потемнеет, пока жар не стал терпимым. Крестьяне стояли вокруг, глядя на него с нетерпением и страхом.

Наконец Алекс кивнул сам себе и начал спускаться. Дно ямы было тёплым — не горячим, но всё ещё хранило тепло. Алекс провёл рукой по стене. Она была сухой, твёрдой, но местами пошли тонкие трещины.

Он нахмурился.

— *Плохо,* — сказал он, поднимая голову к Этьену. — *Слишком быстро жгли. Надо замазать трещины глиной и дать просохнуть до завтра.*

Этьен перевёл. Мартин шагнул вперёд, его лицо было бледным от усталости и напряжения:

— *У нас нет времени! Завтра Робер!*

— *Яма слишком горячая,* — ответил Алекс, не повышая голоса. — *Если мы засыплем зерно сейчас, оно сварится и сгниёт за неделю. Если замажем трещины и дадим просохнуть до утра — будет готово.*

Этьен перевёл. Крестьяне зашептались, заспорили. Кто-то крикнул, что они всё потеряют. Кто-то требовал засыпать зерно немедленно.

Алекс вылез из ямы и встал перед ними. Он не кричал. Он просто ждал, пока они замолчат.

— *Я понимаю ваш страх,* — сказал он. — *Но если мы сделаем это неправильно, мы потеряем всё. Если мы сделаем правильно — зерно пролежит до весны. Выбирайте.*

Тишина.

Мартин посмотрел на Этьена, потом на Алекса. Он вспомнил прошлую зиму. Вспомнил, как его младший сын умер от

гнилого ячменя. Он сжал кулаки и кивнул.

— *Мы ждём до утра*, — сказал он.

Этьен перевёл для Алекса. Алекс кивнул.

— *Хорошо*, — сказал он. — *Принесите глину. Мы замажем трещины сегодня, а завтра на рассвете засыплем зерно.*

Он сам залез в яму с ведром мокрой глины. Он замазывал каждую трещину, пальцами втирая глину в горячие стены.

— *Помогайте!* — крикнул он. — *Нужно замазать все щели!*

Крестьяне спустились к нему. Они работали до самой ночи, замазывая трещины, подправляя стены. К вечеру яма была готова к засыпке.

— *Теперь оставляем до утра*, — сказал Алекс. — *Глина должна просохнуть. Завтра утром засыплем зерно.*

Ночь опустилась на деревню. Коптильня продолжала работать, источая ровный, ароматный дым. Алекс вернулся в избу Этьена. Он едва стоял на ногах, но чувствовал, что день был прожит не зря.

Элиза ждала его у входа. Она молча протянула ему миску с тёплой водой и кусок чистого холста.

— *Ты весь в грязи*, — сказала она.

— *Я знаю*, — ответил Алекс.

Он вымыл лицо и руки. Она смотрела на него, потом взяла его руки и начала перевязывать свежие мозоли.

— *Завтра будет тяжелее?* — спросила она.

— *Завтра мы засыплем зерно,* — ответил Алекс. — *А послезавтра — Робер.*

Она кивнула, ничего не сказав.

Утром Алекс проснулся рано. Он вышел из избы и направился к яме. Вокруг неё уже собрались крестьяне. Они стояли молча, глядя на запечатанную глиной яму.

Алекс спустился на дно. Стены были сухими, твёрдыми, без трещин. Глина держалась.

— *Хорошо,* — сказал он. — *Теперь зола и солома.*

По его указке дно и стены выстелили толстым слоем сухой соломы, перемешанной с просеянной древесной золой из печей. Зола служила естественным антисептиком и щелочным барьером, в котором не могли размножаться насекомые-вредители и грибок.

Из деревни начали носить зерно. В мешках из грубого холста и конопляных верёвок лежал посевной овёс и ячмень — последнее богатство Кемерк'эра, от которого зависела жизнь всей общины. Крестьяне сыпали зерно на дно обжжённой ямы с дрожью в руках. Для них это был огромный риск: если чужак ошибся, они останутся ни с чем.

Когда последнее зерно легло в яму, наполняя её до самого узкого горлышка, Алекс отдал главный приказ:

— *Закрываем. Плотно.*

На горловину уложили толстый дубовый щит, сбитый Мартином. Сверху его запечатали толстым слоем жирной, сырой глины, тщательно утрамбовав её ногами, а поверх гли-

ны насыпали слой сухой земли и дерна.

Алекс вытер пот со лба, глядя на ровную, незаметную кучу земли.

— *Всё, — сказал он. — Воздух внутрь не попадёт. Зерно впадёт в спячку. Оно останется сухим и чистым даже через год.*

Мартин подошёл к запечатанной яме, опустился на колени и погладил утрамбованную глину своей широкой, огрубевшей ладонью. На его жёстком лице отразилось нечто вроде дикого, суеверного почтения. Он поднял взгляд на Алекса — теперь в его глазах не было ненависти, только смущение и глухое уважение.

— *Этьен... — тихо спросил Мартин. — Откуда он знает такое?*

— *Он учился там, где знание не прячут за монастырскими стенами, — ответил Этьен.*

К вечеру, когда солнце начало клониться к закату, Алекс подошёл к общинной печи. Женщины уже ждали его, сжимая в руках свои мешочки с мукой. Они принесли её с собой — по горсти, по две, каждая отсыпала от своего драгоценного запаса. Это было недоверие, проверка, испытание. Никто не отдал всего. Каждый дал ровно столько, чтобы проверить — обманывает чужак или говорит правду.

— *Вы видели яму, — сказал Алекс. — Вы видели, как мы спасли посевное зерно. Теперь я покажу вам, как спасти муку, которую вы прячете по домам. Она гниёт в ваших сусе-*

ках от сырости. Мы превратим её в сухари — хлеб, который не плесневеет и хранится месяцами. Но для этого печь должна остыть до вечера.

Этьен перевёл. Женщины переглянулись, зашептались. Но они не ушли. Они ждали.

Алекс подошёл к печи. Она была тёплой — камни ещё хранили жар от утренней выпечки, но не обжигали, когда он прикоснулся к ним ладонью.

— *Самое время,* — сказал он. — *Элиза, покажи тесто.*

Она подошла к столу, где лежало тесто, которое замесила днём. Она делала его крутым, без дрожжей, с солью. Оно стало плотным, тугим. Алекс взял кусок, размял его пальцами, оценивая консистенцию, и кивнул.

— *Хорошо. Не слишком влажное. Раскатывай тонко, почти до прозрачности.*

Элиза взяла скалку и начала раскатывать тесто. Её движения были неуверенными вначале, но она быстро освоилась. Она раскатала его почти до прозрачности — так, что сквозь него можно было видеть деревянную поверхность стола — и уложила на каменный лист печи.

— *Сколько ждать?* — спросила она.

— *Пока края не начнут загибаться,* — ответил Алекс. — *Не передержи — они должны высохнуть, а не сгореть.*

Он сам взял длинную деревянную лопатку и показал, как аккуратно снимать лепёшку с камня, чтобы она не сломалась.

— *Вот так. Когда края подсохли и начали загибаться — доставай.*

Через полчаса Элиза достала первую лепёшку. Она была тёмно-коричневой, сухой, с едва заметными пузырьками на поверхности.

— *Попробуй,* — сказал Алекс.

Она надломил край. Лепёшка хрустнула, но не рассыпалась. Внутри она была сухой, ломкой, пахла рожью и теплом.

Элиза поднесла кусочек к губам, откусила. Корочка громко хрустнула на зубах. Она жевала медленно, прислушиваясь к вкусу, потом проглотила и посмотрела на Алекса с удивлением:

— *Она не гниёт. Она даже не мягкая. Она как камень.*

— *Именно,* — ответил Алекс. — *Камень, который можно есть. И который не плесневеет.*

Он отломил кусочек лепёшки и сам попробовал. Прожевал, кивнул. Вкус был чистым, сухим, ржаным, без горечи.

— *Хорошо,* — сказал он. — *Теперь все знают, как это делается. Элиза, покажи остальным.*

Она начала объяснять, показывать, как она месила тесто — круто, без дрожжей, только мука, соль и вода. Как раскатывала тонко. Как клала на камень. Как определяла, когда пора снимать.

Женщины запоминали, кивали, шептались.

Одна за другой они подходили к столу, брали свои порции теста, раскатывали, клали в печь. Элиза помогала им, пока-

зывала, поправляла.

Алекс стоял в стороне, наблюдая. К ночи общинная печь выпустила три полные корзины тонких ржаных лепёшек. Каждая женщина уложила свои сухари в мешки, пересыпая сухой крапивой, чтобы они не отсырели от ночного тумана.

— *Всё готово,* — сказал Алекс. — *Завтра Робер получит то, что не сможет забыть.*

Утром Алекс снял мясо с коптильни. Оно изменилось до неузнаваемости. Полосы стали упругими, янтарного цвета, с красивым сухим блеском. Они уменьшились в объёме, потеряв лишнюю влагу, но остались гибкими.

Алекс отрезал кусочек и попробовал. Мясо было в меру солёным, сухим, сочным внутри, пропитанным пряным ароматом можжевельного дыма.

— *Готово,* — сказал он.

Женщины уложили мясо в плетёные корзины, пересыпая сухими листьями крапивы. Рядом поставили мешки с сухарями.

В этот момент со стороны лесной дороги раздался глухой стук копыт. По деревне пронёсся тревожный крик мальчишек-дозорных:

— *Едут! Сборщик налогов едет!*

Крестьяне мгновенно сжались. Женщины начали уводить детей в лачуги. На улицу Кемерк'эра въезжал тот самый отряд: мессир Робер в своем суконном плаще поверх кольчуги и пятеро угрюмых, вооруженных кнехтов. За ними, покачи-

ваясь на ухабах, ехала пустая телега — для того, чтобы увезти припасы. Или, если крестьяне не заплатят, чтобы увезти скот и заложников.

Алекс стоял у коптильни, глядя на приближающийся отряд. Он чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Но он не показывал страха. Он смотрел на Робера и ждал.

Робер осадил коня в центре выгона, прямо перед коптильней, от которой все еще тянулся тонкий можжевелевый дымок.

— *Ну что, старик!* — громко рявкнул Робер, играя рукоятью плети и соскакивая с коня. — *Три дня прошло! Где двадцать марк серебром? Где овес для коней барона? Или мне приказать моим парням поджигать ваши сараи?*

Кнехты за его спиной ослабили поводья, их руки легли на рукояти мечей и топоров.

Вперед спокойно вышел старик Этьен, за которым следовал Алекс, державший в руках небольшую плетеную корзину, накрытую чистым холстом.

— *Приветствую вас, мессир Робер,* — смиренно произнес Этьен. — *Серебра у нашей бедной общины нет. Вы знаете это сами.*

Робер побагровел, его рука сжалась на плети:

— *Ты издеваешься надо мной, колдун?! Забрать скот! Вязать старосту!*

— *Погодите, мессир!* — громко поднял руку Этьен. — *Серебра нет, но у нас есть то, за чем барон де Монфор по-*

сылает купцов в Нант и отдаёт золотые монеты. У нас есть еда, которая не гниет в походах.

Алекс сделал шаг вперед, сбросил холст с корзины и протянул ее сборщику налогов.

В корзине аккуратными стопками лежали плотные, янтарные полосы копченого мяса, а рядом — аккуратные стопки тёмных, сухих ржаных лепёшек, пересыпанных сухими листьями крапивы, чтобы они не отсырели от тумана.

Робер недоверчиво прищурился, посмотрел на Алекса, потом на корзину.

— *Что это?* — буркнул он.

— *Пробуйте, мессир,* — спокойно сказал Этьен. — *Это мясо, заготовленное по особому способу. Оно не протухнет в сумках ваших кнехтов ни в жару, ни в сырость. Оно пролежит до следующего года. А это — хлеб, который не плесневеет. Он сухой, как кора, но если размочить его в тёплой воде или бульоне, он станет мягким, как свежий.*

Робер помедлил, затем осторожно взял одну полосу мяса, понюхал. Запах можжевельника и жареного мяса явно застал его врасплох. Сборщик откусил кусочек, начал жевать. Его суровое, обветренное лицо постепенно изменилось. Он проглотил мясо, затем быстро отломил еще кусок и повертел его перед глазами.

— *Где вы взяли столько соли?* — резко спросил Робер. — *В Кемерк'эре никогда не было столько соли!*

— *Здесь почти нет соли, мессир,* — ответил Этьен, кив-

нужен на Алекса. — *Это тайна дыма и печей, которую знает мой племянник Жан. Мы готовы давать барону де Монфору по две корзины такого мяса каждую луну. И мы дадим вам тридцать фунтов сушеного хлеба, который не покрывается плесенью.*

Робер молчал, переводя взгляд с корзины на Алекса. В его глазах расчетливого слуги феодала крутились мысли. Война с фракцией Блуа требовала колоссальных запасов провизии. Солонина в замковых погребах регулярно тухла, выкашивая гарнизон поносом и цингой. Такое мясо для военного отряда было ценнее золота.

— *Кто придумал копильню?* — Робер ткнул пальцем прямо в грудь Алексу. — *Этот увечный?*

Алекс поднял голову. Он чувствовал взгляд Робера — тяжёлый, изучающий, подозрительный. Сборщик налогов не был дураком. Он видел странного человека с разбитым лицом, который говорил на латыни и знал то, чего не могли знать крестьяне.

Этьен шагнул вперёд:

— *Мессир, его разумею вернулся к нему только сегодня. Он говорит на латыни, но с трудом. Наёмники отбили ему память.*

Робер хмыкнул, но в его глазах мелькнул интерес.

— *Ты говоришь по-латыни, парень?*

Алекс встретил его взгляд. Он понимал: любая ошибка будет стоить ему жизни. Он должен был говорить медленно,

с акцентом, как человек, который долго не говорил на этом языке.

— *Ego... loquor latine*, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал неуверенно. — *Sed... non bene. Difficile est.*

Робер прищурился.

— *Ты говоришь странно. Не как бретонец. Откуда ты?*

Алекс сглотнул.

— *Vindo... Vindo sum*, — сказал он. — *De Vindino.*

Робер нахмурился:

— *Из Ванна? А почему ты говоришь как парижский книжник?*

Этьен вмешался:

— *Его учили в монастырской школе, мессир. До войны. Он был послушником. Но наёмники сожгли монастырь, и он потерял всё.*

Робер смотрел на Алекса долго, изучающе.

— *Встань*, — сказал он. — *Иди сюда.*

Алекс подошёл. Каждый шаг отдавался болью в разбитых рёбрах.

Робер наклонился и заглянул ему в глаза. Он искал страх, ложь, что-то, что могло бы выдать шпиона.

— *Скажи мне что-нибудь на бретонском*, — сказал он неожиданно.

Алекс замер. Внутри него всё сжалось. Холодный пот выступил на спине. Он не знал бретонского. Ни слова.

Этьен шагнул вперёд:

— *Мессир, он не может. Наёмники...*

Робер поднял руку, заставляя Этьена замолчать.

— *Я спросил его, а не тебя,* — сказал он.

Алекс смотрел в глаза Робера. Он знал: если он промолчит — его убьют. Если он скажет что-то на французском — его убьют. Единственный шанс — сыграть безумца.

Он улыбнулся. Медленно, бессмысленно, как человек, у которого нет связи с реальностью. Его глаза стали пустыми, он слегка покачивался на месте.

— *Pater noster... qui es in caelis...* — начал он на латыни, запинаясь, как ребёнок. — *Sanctificetur nomen tuum...*

Робер моргнул.

— *Это молитва? Ты читаешь молитвы на латыни?*

Алекс продолжал, не останавливаясь:

— *Adveniat regnum tuum... Fiat voluntas tua... sicut in caelo et in terra...*

Этьен тихо добавил:

— *Он иногда впадает в такое состояние, мессир. Он не слышит вопросов. Он только говорит, как тогда, в монастыре.*

Робер смотрел на Алекса с отвращением и любопытством. Безумный лекарь, который знает латынь, но не понимает бретонский.

— *Хватит,* — сказал он.

Алекс замолчал, но продолжал смотреть в одну точку, делая вид, что не осознаёт, где находится.

Робер повернулся к Этьену:

— *Он действительно безумен?*

— *Иногда — да, мессир. Иногда он ясен как стекло. Я не знаю, когда это случается и почему. Но когда он ясен — он знает такие вещи, о которых не слышали даже монахи.*

Робер вздохнул.

— *Ладно, — сказал он. — Забираю его. Если он окажется бесполезен — я пришлю тебе его голову, старик.*

— *Он будет полезен, мессир, —* сказал Этьен.

Робер мотнул головой кнехту:

— *Посади его в телегу. Он не удержится в седле.*

Кнехт подошёл к Алексу, схватил его за плечо и подтолкнул к телеге, стоявшей за отрядом. В телеге лежали мешки с сеном, старые рогожи и несколько пустых бочек.

Алекс не сопротивлялся. Он с трудом забрался на повозку, уселся на мешки с сеном.

Кнехт грубо обмотал верёвку вокруг пояса Алекса, привязывая его к борту.

— *Чтобы не упал, —* буркнул он. — *Если расшибёшься по дороге, мне придётся отвечать.*

Теперь Алекс был не просто «племянником из Ванна». Он был заложником. Если деревня не выполнит обещания, если поставки мяса и хлеба сорвутся — он умрёт. И он знал это.

Алекс повернулся к Этьену и Мартину. Мартин опустил голову, его губы дрожали. Староста подошёл и крепко, по-мужски сжал локоть Алекса.

Он заговорил на бретонском — быстро, взволнованно. Алекс не понимал ни слова. Но он видел глаза Мартина. В них больше не было ненависти — только благодарность, стыд и слёзы, которые крестьянин пытался сдержать.

Мартин сжал его локоть сильнее и повторил одно слово, которое Алекс понял:

— *Мерси...* — сказал он на ломаном французском, пытаюсь найти нужные слова. — *Мерси, Жан...*

Он замолчал, не в силах договорить. Вместо слов он просто покачал головой и отступил назад, вытирая глаза рукавом.

Этьен перевёл коротко:

— *Он говорит, что Кемерк'эр не забудет тебя. Ты спас его семью.*

Алекс посмотрел на Мартина. Он хотел сказать что-то, но слов не было. Вместо этого он кивнул — коротко, но так, чтобы крестьянин понял.

— *Береги яму, Мартин,* — сказал Алекс по-французски, надеясь, что староста поймёт хотя бы часть слов. — *И не открывай её до весны.*

Мартин кивнул, вытирая глаза рукавом. Он не понял всех слов, но понял смысл.

Этьен подошёл ближе всех. Он смотрел на Алекса с усталой мудростью человека, который видел много смертей и много разлук.

— *Ты сделал свой выбор, Жан,* — сказал он по-латыни.

— Ты спас их. Ты спас мою внучку. Ты спас всех, кто мог бы умереть этой зимой. — Он помолчал. — Теперь береги себя в логове волка. Замок Монфор — это место, где за ошибки платят плахой. Ты не должен доверять никому. Даже тем, кто улыбается тебе.

— Я знаю, — ответил Алекс.

Этьен протянул руку и коснулся его плеча.

— Ты вернёшься? — спросил он, и в его голосе впервые за весь день прозвучала неуверенность.

— Я не знаю, — честно ответил Алекс. — Но я попытаюсь. Сохрани яму. И жди новостей.

Этьен кивнул. Он хотел сказать что-то ещё, но передумал. Вместо этого он отступил назад, давая место тому, кто ждал за его спиной.

Элиза шагнула вперёд. Она держалась прямо, не опуская головы, хотя глаза её блестели. Она не плакала. Она смотрела на Алекса так, будто хотела запомнить каждую чёрточку его разбитого лица.

Она подошла к телеге и протянула ему холщовый мешочек, перевязанный бечёвкой.

— Возьми, — сказала она на латыни. — Сушёный чабрец и зверобой. От лихорадки. В замке тебе может пригодиться.

Алекс взял мешочек. Его пальцы на мгновение встретились с её пальцами. Её руки были тёплыми, несмотря на холодный ветер.

— Спасибо, Элиза, — сказал он.

Она посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах не было страха — только тихая, твёрдая решимость.

— *Ты вернёшься?* — спросила она.

Она говорила на латыни, и он понял каждое слово.

— *Я вернусь,* — ответил он.

Она кивнула, не улыбнувшись.

— *Знаю,* — сказала она. — *Ты же обещал.*

Она хотела сказать что-то ещё, но не решилась. Вместо этого она отступила назад, в толпу крестьян.

Алекс сжал мешочек в руке. Он чувствовал тепло её рук, ещё не остывшее на ткани.

— *Прощай, Элиза,* — прошептал он.

Она не ответила. Она просто стояла и смотрела на него.

Робер подъехал к телеге. Он посмотрел на Алекса сверху вниз и бросил короткую фразу на бретонском.

Алекс не понял ни слова, но не поднял головы. Он продолжал сидеть неподвижно, с пустым взглядом, играя роль безумца.

Робер усмехнулся, развернул коня и крикнул:

— *Выезжаем!*

Телега дёрнулась. Алекс почувствовал, как колёса закрипели по мокрой земле.

Он не мог повернуться — он сидел лицом вперёд, вцепившись в край телеги.

Но он слышал голоса.

Он услышал, как Мартин крикнул на бретонском. Он не

понял слов, но понял смысл — прощание, благодарность, надежду.

Он услышал, как закричали женщины, как заплакали дети.

Он услышал, как Этьен сказал что-то тихое на латыни — может быть, молитву.

И он услышал её голос.

Она не кричала. Она не плакала. Она просто сказала, тихо, но так, что он услышал:

— *Veni, revertere.* — Приди, вернись.

Алекс сжал зубы. Он хотел оглянуться. Хотел увидеть их в последний раз. Но он не мог. Он боялся, что если повернётся, то не сдержится. Что сломается.

Телега выехала за околицу. Лес сомкнулся за спиной, скрывая деревню.

Алекс сидел в телеге, привязанный к борту. Он чувствовал, как холодный ветер бьёт в лицо, и думал только об одном: он выживет. Он найдёт способ вернуться.

Он сжал в руке мешочек с травами, который дала ему Элиза. Он чувствовал тепло её рук, ещё не остывшее на ткани.

«Я вернусь, — подумал он. — Я не знаю как, но я вернусь».

Первый шаг в историю нового века был сделан.

Глава 3

«ЗАМКОВЫЙ ДВОР»

Дорога к замку Монфор вилась среди дремучих дубовых лесов и вересковых пустошей. Лошади шли шагом, тяжело ступая по размытой глине, которая чавкала под копытами и колёсами. Алекс сидел в телеге, вцепившись в деревянный борт побелевшими пальцами, и чувствовал, как каждый ухаб отдаётся острой болью в разбитых рёбрах. Грубая пеньковая верёвка, которой его привязали к борту, натирала поясницу до крови, но он не жаловался. Он знал: жалобы здесь не помогут. Жалобы — удел слабых, а слабых в этом мире убивают.

Он смотрел на проплывающий мимо лес и пытался собраться с мыслями. Три дня назад он был в Париже. Три дня назад он сидел в Национальной библиотеке, пил кофе из пластикового стаканчика и спорил с коллегами о датировке манускриптов. Три дня назад он обнимал Мари, чувствовал запах её волос и строил планы на будущее. Теперь он сидел в телеге, привязанный как скот, с разбитым лицом, в грязной одежде, и ехал в неизвестность. Мир, в котором он оказался, был жестоким, грязным и совершенно реальным. И он должен был выжить.

Робер ехал впереди, молчаливый и собранный. Сборщик налогов держался в седле с той уверенной, расслабленной грацией человека, который провёл в седле половину жизни. Время от времени он оглядывался на чужака, бросая короткие, пытливые взгляды на его осанку, на то, как он держится, даже будучи привязанным. Человек, умеющий читать полатыни, изъясняющийся на чистом французском наречии и при этом одетый в грубое сукно, вызывал у старого слуги барона невольное подозрение. Но Робер не был дураком. Он видел в Алексе не просто бродягу — он видел человека, который может быть полезен. А в военное время полезные люди стоят дороже золота.

Когда отряд остановился у лесного ручья, чтобы напоить коней, Робер спешил, подошёл к телеге и рывком отвязал верёвку, стягивавшую Алекса.

— Слезай, — буркнул он. — Пройдёмся.

Алекс с трудом спустился с телеги. Ноги затекли, подкашивались, но он удержался, опираясь на край повозки. Робер схватил его за плечо и отвёл в сторону, подальше от отряда. Его лицо было жёстким, как гранит — глубокие морщины, обветренная кожа, глаза, которые видели слишком много смертей. Он говорил тихо, но в его голосе слышалась сталь.

— Слушай меня, парень, — сказал Робер, и его пальцы впились в плечо Алекса с такой силой, что тот чуть не вскрикнул. — Я не знаю, кто ты на самом деле. Может, ты беглый монах. Может, шпион Блуа. Может, просто сума-

сшедший, который сбежал из лечебницы в Ренне. Мне всё равно.

Он шагнул ближе, заставляя Алекса отступить к дереву. От Робера пахло потом, конским потом и старой кожей — запахом, который въелся в его одежду насквозь.

— Но если твои «знания» окажутся пустыми, если ты обманешь меня или барона, если попытаешься украсть или сбежать... — он говорил медленно, смакуя каждое слово, как хорошее вино, — я лично сниму с тебя шкуру. Не за один день. Медленно. Сначала пальцы. Потом руки. Потом ноги. И повешу то, что останется, на воротах замка, чтобы все видели, что бывает с теми, кто врёт мне. Ты понял?

Алекс сглотнул. Он чувствовал, как сердце колотится где-то в горле, как холодный пот стекает по спине, как дрожат колени. Но он не опустил взгляд. Он встретил глаза Робера и ответил, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё тряслось:

— Понял, мессир. Я не вру. Я сделаю то, что обещал.

Робер смотрел на него несколько долгих секунд, изучая, пытаясь найти в его глазах страх или ложь. Но он видел только усталую, но твёрдую решимость человека, который уже прошёл через ад и знает, что может выжить. Он разжал пальцы и оттолкнул Алекса.

— Хорошо. Тогда идём. Гуго ждёт.

Он развернулся и направился к коню. Алекс пошёл следом, чувствуя, как ноги дрожат от напряжения, а в груди мед-

ленно разгорается холодный, расчётливый огонь.

Когда отряд выехал из леса, Алекс впервые увидел замок.

Он возвышался на скалистом холме, господствуя над всей долиной реки Блаве. Массивные стены из серого, грубо отёсанного гранита, кое-где покрытые тёмно-зелёным мхом, укреплялись круглыми угловыми башнями с узкими, как щёлочки, бойницами. Стены были толщиной в несколько метров — Алекс знал это по учебникам, но сейчас, глядя на них вживую, он чувствовал их вес. Тысячи тонн камня, сложенных руками людей, которые жили и умирали здесь.

Над воротной башней развевался выцветший стяг с гербом рода де Монфор — чёрный лев на золотом поле, местами выгоревший и потёртый от времени, но всё ещё узнаваемый. В воздухе над замком кружили вороны, каркая и перекликаясь, а у подножия холма теснилось посадочное поселение — десяток кривых домишек ремесленников, кузнецов и конюхов, прилепившихся к стенам, как паразиты к телу хозяина.

Алекс смотрел на это каменное чудовище и чувствовал, как внутри него разрастается холодный страх. В XXI веке он видел сотни замков — на фотографиях, в документальных фильмах, в туристических поездках по Франции. Но ни один из них не выглядел так, как этот. Живым. Дышащим. Опасным. Этот замок не был музеем. Это была крепость, которая видела осады, смерти, голод и предательство. И теперь она стала его тюрьмой.

Отряд въехал на подъёмный мост. Деревянные настилы глухо застонали под копытами коней и колёсами телеги, прогибаясь под тяжестью. С грохотом и скрежетом поднялась железная решётка-герса, и Алекса обдало целой гаммой новых запахов и звуков, от которых у него закружилась голова.

Внутренний двор замка гудел, как потревоженный улей. Здесь смешалось всё: стук молотов из кузницы, ржание боевых дестриэ, ругань конюхов на бретонском, визг свиней, которых гнали на убой к кухонным пристройкам, звяканье доспехов и сухой, надрывный кашель солдат, чистивших песком от ржавчины свои кольчуги. Оруженосцы таскали вязки овса, а у кухонных очагов дымились гигантские котлы, источая запах жареного мяса, прогорклого жира и старого лука.

Алекс сидел в телеге, впитывая эту картину, чувствуя, как десятки глаз смотрят на него. Любопытных. Подозрительных. Враждебных. Он видел, как слуги перешёптываются, показывая на него пальцами. Он слышал обрывки фраз на бретонском, которых не понимал, но смысл которых угадывал по интонациям и взглядам: «чужак», «бродяга».

Робер подошёл к телеге и рывком отвязал верёвку, стягивавшую тело Алекса.

— Вылезай, — буркнул он. — Пойдёшь со мной к управляющему. К барону тебя пока не пустят — у него сегодня совет с вассалами.

Алекс спрыгнул с телеги. Ноги затекли, подкашивались, но он удержался на ногах, стараясь не показывать слабо-

сти. Он быстро огляделся вокруг, фиксируя каждую деталь с жадностью историка и человека, который пытается понять, где он оказался: конструкция метательных машин у стен — несколько примитивных требушетов в разобранном виде, качествоковки оружия — грубое, но функциональное, устройство замковых водостоков — примитивные канавки, по которым стекала дождевая вода. Всюду виднелись следы спешки и военной тревоги. Замок Монфор готовился к большой войне.

Робер повёл Алекса сквозь узкий каменный коридор в нижний ярус главной башни — донжона. Они миновали несколько тяжёлых дубовых дверей, окованных железными полосами, и оказались в просторном, прохладном помещении с низким сводчатым потолком. Здесь было светло от масляных светильников в железных кольцах, закреплённых на стенах. Это была канцелярия и продовольственная кладовая замка — сердце всей его хозяйственной жизни, место, где решалась судьба запасов на зиму и весну.

За длинным дубовым столом, заваленным свитками пергамента, счётными бирками и деревянными дощечками с воском, сидел грузный человек лет пятидесяти. У него была большая круглая плешь, обрамлённая седыми волосами, которые торчали в разные стороны, и толстые деревянные очки без дужек, которые он удерживал у глаз рукой. Это был мессир Гуго — главный управляющий и казначей замка Монфор. Человек, который держал в руках все финансы и запасы

баронства, считал каждое зерно и каждую монету.

— Гуго, — громко окликнул его Робер. — Я привёл тебе человека из Кемерк'эра.

Управляющий оторвался от пергамента, положил на стол очки и уставился на Алекса своими маленькими, пронизательными глазами, похожими на две бусины. Взгляд его был тяжёлым, как свинец, и цепким, как у хищной птицы.

— Кемерк'эр? — пропыхтел Гуго, отирая пот с лысины грязным рукавом. — Это те оборванцы, что задолжали двадцать серебряных марок за прошлый год? Ты привёз мне их старосту, чтобы повесить на воротах?

— Нет, — Робер положил на стол перед казначеем кожаную сумку, из которой достал несколько полос копчёного мяса и сухой хлебец, завернутый в чистый холст. — Я привёз мастера. Попробуй это.

Гуго подозрительно посмотрел на тёмно-янтарный кусок мяса, понюхал его, принюхиваясь с видом человека, который привык проверять каждую партию провизии. На его лице отразилось удивление — запах можжевельника и копчёного мяса был необычным, непривычным для этих мест. Он с сомнением откусил край, начал жевать медленно, прикрыв глаза. Несколько секунд казначей молчал, пережёвывая, и на его оплывшем лице постепенно проступало крайнее изумление.

— Откуда это? — резко спросил Гуго, уставившись на Робера. — Это солонина из Англии? Или мясо, которое при-

возят на рынок из Нанта?

— Это козлятина из Кемерк'эра, — усмехнулся Робер, подкручивая ус. — Сделана вчера утром. Без дорогой соли. И этот парень, Жан, утверждает, что оно пролежит в наших кладовых до следующего лета.

Гуго перевёл тяжёлый взгляд на Алекса. Он смотрел на него долго, изучая каждую чёрточку его разбитого лица — опухшую щёку, синяк под глазом, запёкшуюся кровь на скуле, его грязную, рваную одежду, которая пахла навозом и дымом.

— Латынь знаешь, чужак? — спросил казначей на латыни, проверяя.

— Знаю, мессир, — ответил Алекс по-латыни, сделав лёгкий поклон. — И знаю не только латынь. Я знаю, как избежать ваши замковые погреба от гнили и плесени, из-за которых барон теряет треть своего провианта каждую зиму.

Гуго поднялся из-за стола. Его грузная туша нависла над дубовой столешницей, заслоняя свет масляных светильников. Алекс почувствовал, как воздух вокруг него стал плотнее, тяжелее.

— Смелые слова для оборванца в суконном плаще, — тихо сказал Гуго, и в его голосе послышалась угроза. — Наши погреба в нижнем ярусе затапливает каждую весну. Зерно прееет, солонина тухнет. Треть продуктов, которые мы закладываем на зиму, превращается в отбросы. Если ты сможешь доказать свои слова делами — получишь медный денье

в неделю и сытный обед. Если соврал... — он усмехнулся, обнажив жёлтые, неровные зубы, — у нас под башней есть сухой колодец, в котором крысы съедают лжецов за три дня. Понял меня?

— Понял, мессир, — спокойно ответил Алекс, хотя внутри у него всё сжалось. — Покажите мне погреб.

Гуго взял со стола тяжёлую масляную коптилку, звякнул связкой ржавых ключей, висевших у него на поясе, и жестом приказал Алексу следовать за ним. Казначей двигался медленно, переваливаясь с ноги на ногу, тяжело дыша, но в его походке чувствовалась абсолютная хозяйская уверенность человека, который знал каждый уголок этого замка.

Они спустились по узкой каменной лестнице, которая спиралью уходила в самую толщу скалы, высеченная в граните сотни лет назад. Воздух становился всё более прохладным, тяжёлым и влажным. Пахло сыростью, затхлой соломой и едва уловимым, но отчётливым душком гниющего мяса. Стены покрылись тёмным налётом плесени, который поблёскивал в свете коптилки.

Когда они ступили на земляной пол нижнего яруса донжона, перед Алексом открылась удручающая картина. Огромное сводчатое помещение под замком было превращено в свалку провизии. Вдоль стен стояли дубовые бочки, многие из которых давали течь — из-под них сочился мутный, вонючий рассол, оставляя на земле тёмные, липкие лужи, в которых копошились насекомые. В углах штабелями лежа-

ли мешки с овсом и пшеницей. Некоторые из них насквозь промокли, и на холсте проступали тёмные, бархатистые пятна плесени, похожие на гнойные язвы. Воздух был тяжёлым, спёртым, от него першило в горле.

— Вот наша боль, Жан, — Гуго посветил коптилкой на ближайшую кучу мешков. — Осенью мы забиваем их под завязку. К январю сырость проникает сквозь стены, вода из подземных жил поднимается сквозь пол. Третью зерна покрывается чёрным ядом, а солонина в бочках становится такой вонючей, что её отказываются есть даже кнехты. И каждый год одно и то же. Барон ругается, я развожу руками, и мы снова хороним то, что могли бы съесть.

Алекс подошёл к стене и прикоснулся к камню. На пальцах осталась липкая, холодная влага, пахнувшая гнилью. Он опустил на одно колено и провёл рукой по земляному полу. Земля была рыхлой, влажной, от неё тянуло холодом и болотной гнилью. Он понюхал пальцы — запах был знакомым, он чувствовал его в сырых подвалах старых зданий, где плесень и грибок разъедали стены.

— Ошибка в устройстве, мессир, — спокойно произнёс Алекс, поднимаясь и вытирая руку о ткань туники. — Вы храните провизию прямо на голой земле и вплотную к сырým камням. Вода конденсируется на стенах и стекает вниз, а земля впитывает её, как губка. Влажность поднимается снизу, оседает сверху, и воздух внутри застаивается. Это не погреб. Это болото.

— И что ты предлагаешь? Высечь из скалы новые стены? — с иронией спросил казначей. — У барона нет людей и времени перестраивать донжон. Нам нужно решение сейчас, а не через год.

— Перестраивать ничего не нужно, — Алекс подошёл к штабелю зерновых мешков и слегка пнул один из них — от удара из мешка высыпалась горсть тёмного, заплесневевшего зерна, пахнущего кислятиной. — Нужно заставить законы природы работать на нас.

Гуго нахмурился. Слово «природа» в устах безграмотного крестьянина звучало странно и неуместно. Но он промолчал, позволяя чужаку продолжать.

— Первое, — Алекс начал перечислять, загибая пальцы на руке, — зерно и бочки никогда не должны касаться пола и стен. Нам нужны деревянные настилы — стеллажи, поднятые над землёй хотя бы на два локтя. Под настилами должен гулять воздух, чтобы влага не скапливалась.

— А со стенами что делать? С них течёт струями!

— Двойной барьер, — ответил Алекс. — Мы отодвинем все закрома от стен на шаг. Вдоль каменных стен выложим канавки и засыплем их сухой печной золой, перемешанной с битым древесным углём и песком. Уголь и зола впитают стекающую влагу и уберут вонь. Золу будем менять раз в месяц.

Гуго слушал с нарастающим интересом. Он поднёс копилку ближе к лицу Алекса, всматриваясь в его спокойное, уверенное выражение. Управляющий видел много людей —

монахов, купцов, мастеров, инженеров. Но этот чужак говорил так, будто знал то, что не знали даже лучшие строители баронства.

— А пол? Если вода поднимается снизу?

— Мы уложим на земляной пол слой сухой негашеной извести и засыплем его песчаником, а сверху застелем дубовыми плахами, — продолжал Алекс. — Известь сожрёт всю сырость на дне и убьёт плесневый грибок. Но главное не это. Главное — вытяжка.

Он поднял голову к сводчатому потолку. Вверху, в самом углу помещения, виднелось небольшое узкое окошко-отдушина, заткнутое старой ветошью, почерневшей от времени.

— Вы запечатали вытяжку, и воздух здесь застоялся, — констатировал Алекс. — Влаге некуда уходить. Если пробить в противоположной стене второе отверстие и поставить сквозной канал, сквозняк будет непрерывно выдувать сырой воздух наружу. Вода испарится, плесень высохнет.

Казначей молчал почти минуту. В тишине подземного погреба было слышно лишь глухое капанье воды где-то в темноте и его собственное тяжёлое дыхание. Гуго смотрел на Алекса так, будто видел его впервые.

— Известь, уголь, деревянные стеллажи и сквозняк, — медленно пробормотал Гуго по-латыни. — Просто. Слишком просто, чтобы быть правдой. Почему наши мастера до этого не додумались за тридцать лет?

— Потому что мастера думают о крепости стен, мессир,

— ответил Алекс. — А о сохранности хлеба думают те, кто знает, как устроена жизнь внутри скрытого от глаз мира.

Гуго выпрямился, оправил свой тяжёлый кафтан и выставил вперёд указательный палец, утыканный чернильными пятнами:

— Завтра утром я дам тебе десяток плотников и двух сменщиков из числа челяди. Ты получишь известь и уголь из кузницы. Если через неделю в этом погребке станет сухо и перестанет разить тухлятиной, я лично скажу барону, что ты стоишь десятка обычных писарей. Но если зерно в испытательных мешках отсыреет...

— Оно не отсыреет, мессир, — перебил его Алекс. — Но у меня есть одно условие.

Гуго аж поперхнулся от такой дерзости. Крестьянин из глухой деревни ставит условия казначею замка!

— Условие? Ты забываешься, Жан!

— Я прошу не золота, — мягко выставил ладони Алекс. — Я прошу гарантировать, что деревню Кемерк'эр не разорят ваши сборщики налогов до следующей весны. Они дадут вам копчёное мясо и сухой хлеб, но посевной овёс должен остаться у них. Если они потеряют зерно, они умрут. А мёртвые крестьяне не платят налогов.

Казначей смерил Алекса долгим, читающим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — редкость для человека, который привык иметь дело с ворами и лжецами. Не часто в эти погреба спускались люди, думая-

щие не о собственной шкуре, а о чём-то большем.

— Договорились, — буркнул Гуго. — Если твои чертовы трубы и уголь сработают, Кемерк'эр получит отсрочку до осени. Поднимайся наверх. Я покажу тебе, где ты будешь жить.

Он развернулся и, тяжело ступая, начал подниматься по лестнице. Алекс последовал за ним, чувствуя, как усталость разливается по телу. Он не спал почти двое суток, не ел нормально, не мылся. Он двигался на одном адреналине и страхе, которые держали его на ногах.

Гуго вывел его во внутренний двор, прошёл мимо конюшен и остановился у небольшой двери под каменной лестницей, ведущей в донжон. Это была неприметная, низкая дверь, обитая ржавым железом, которую легко было не заметить среди грубых камней стены. Она вела вниз, в подвал.

— Вот твоё место, — сказал Гуго, открывая дверь.

Алекс шагнул внутрь. Это была узкая каморка, вырубленная прямо в скале — холодный, сырой мешок из камня, в котором не было ни единого окна, только небольшая щель-бойница в дальней стене, через которую едва пробивался серый, умирающий свет дня. Вместо кровати — соломенный тюфяк на каменном полу, накрытый рваным, истёртым шерстяным одеялом, от которого пахло пылью и чем-то кислым. В углу стоял глиняный кувшин с водой — мутной, холодной — и пустая деревянная миска, выщербленная и тёмная от времени. В воздухе пахло сыростью, плесенью и старыми

мешками, которые когда-то хранились здесь. С потолка капала вода, размеренно и монотонно, как часы.

— Здесь ты будешь спать, — сказал Гуго, не глядя на Алекса. — Лампа — один масляный фитиль на час в день. Дрова для тепла не положены — внизу достаточно тепло от соседних конюшен, если они не замёрзнут. Воды — кувшин в день. Еда — каша и хлеб, как у всех слуг. Если хочешь больше — заработай.

Алекс молча осмотрел каморку. Это было хуже, чем хлев в Кемерк'эре. Там хотя бы было сено, которое грело, и дыхание животных, которое согревало воздух. Здесь — только холодный камень, вечная сырость и запах плесени, от которого зубы начинали ныть уже через минуту.

— Хорошо, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я справлюсь.

Гуго хмыкнул, поправляя свой кафтан:

— Ты не похож на человека, который привык спать на камнях. Но это не моя забота. Завтра на рассвете будь в погребке. Работа ждёт.

Он развернулся и ушёл, закрыв за собой дверь. Алекс остался один в темноте, слушая, как затихают шаги казначея.

Он стоял посреди каптёрки, глядя на свои руки, хотя он их не видел, но знал что они были чёрными от грязи, запёкшейся крови и сажи — наследие Кемерк'эра и долгой дороги. Алекс поднёс их к лицу и почувствовал запах. От него пахло навозом, дымом, болотом, гнилой соломой и собствен-

ным потом, смешанным с запахом страха. Он чувствовал, как грязь въелась в кожу, в волосы, в каждую складку одежды. Его тошнило от собственного запаха. Он не мог оставаться таким. Он понимал, что если выйдет к людям с этим запахом, его никто не будет слушать. Он будет не мастером, а свиньёй. Он должен был смыть с себя грязь Кемерк'эра — хотя бы внешне.

Он вышел из каптёрки и направился к колодцу во внутреннем дворе. Над замком уже сгущались сумерки, но жизнь во дворе не затихала — у конюшни перекликались слуги, у кухни дымились очаги, где-то в темноте слышался смех и брань на бретонском, перемешанная с французскими ругательствами.

Алекс подошёл к колодцу. Ведро было привязано к верёвке, валявшейся на камнях. Он взялся за ручку, чтобы поднять воду, но чья-то рука схватила его за запястье с неожиданной силой.

— Эй, ты! — раздался резкий, пронзительный голос, в котором слышался тяжёлый бретонский акцент. — Что ты делаешь?

Алекс обернулся. Перед ним стояла грузная женщина лет пятидесяти в засаленном фартуке и грязном чепце, из-под которого выбивались седые пряди. Её лицо было красным от жара кухонных очагов, а маленькие, заплывшие жиром глаза смотрели с подозрением и откровенной враждебностью. Это была мадам Эрмина — главная повариха замка Монфор,

женщина, которая держала в руках ключи от всей кухонной утвари и не давала спуску никому из слуг. Она говорила на французском, но с таким сильным акцентом, что некоторые слова почти невозможно было разобрать.

— Я хочу помыться, — сказал Алекс, стараясь говорить чётко, чтобы она поняла. — Я... я весь в грязи.

Мадам Эрмина усмехнулась, уперев руки в бока. Жирные бёдра колыхнулись под грязным фартуком. Она повернулась к нескольким слугам, стоявшим неподалёку у кухни, и что-то быстро сказала на бретонском — Алекс не понял ни слова, но услышал смех и насмешку в их голосах.

— Помыться? — переспросила она, снова переходя на французский, и повысила голос так, чтобы все вокруг слышали. — Слышали, парни? Он хочет помыться!

Несколько слуг, стоявших неподалёку у конюшни, обернулись и заулыбались. Кто-то хмыкнул, кто-то негромко рассмеялся. Алекс почувствовал, как кровь прилила к лицу, но он сжал кулаки и заставил себя молчать.

— Ты что, думаешь, мы здесь баню открыли? — продолжала Эрмина, размахивая руками. — Вода — это труд. Её носят из реки, понял? Греют на кухне. Дрова стоят денег. Или ты думаешь, что будешь мыться каждый день, как какой-нибудь дворянин?

— Я просто хочу смыть грязь, — сказал Алекс, стараясь сохранять спокойствие. — Я не прошу каждый день. Один раз. Я не могу работать в таком виде, меня не будут слушать.

— Один раз? — Эрмина прищурилась, её голос стал тише, но от этого ещё более угрожающим. — А кто ты такой, чтобы просить? Ты — никто. Бродяга с разбитой мордой, которого Робер привёз из грязи. Ты выглядишь как бродяга. Ты пахнешь как бродяга. Зачем тебе мыться? Чтобы снова вываливаться в грязи? Думаешь, если смоешь грязь, станешь человеком?

Вокруг собралось уже человек десять — слуги, конюхи, два молодых солдата. Они стояли молча, глядя на Алекса с любопытством и насмешкой. Алекс чувствовал, как их взгляды вдавливают его в землю, как его грязная, рваная одежда становится ещё более жалкой под их пристальными глазами. Он слышал, как кто-то сказал что-то на бретонском, и остальные засмеялись.

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Внутри него поднималась злость, но он подавил её. Если он сорвётся, если он покажет гнев, он проиграет. Он должен быть умнее. Он должен переиграть их.

— Потому что, — сказал он, встречая взгляд Эрмины и говоря медленно, чётко, чтобы она не могла сказать, что не поняла, — если я буду ходить в таком виде, меня примут за свинью и не будут слушать. А я должен работать в погребях с людьми. Им не понравится, если от меня будет разить навозом. Они не станут выполнять мои распоряжения. Вы хотите, чтобы я провалил работу из-за того, что воняю? Гуго будет недоволен. Барон будет недоволен. И все они спросят

с вас, а не с меня.

Эрмина задумалась. Она не привыкла, чтобы ей возражали. Тем более — чтобы ей доказывали, что она не права. Но в словах чужака был смысл. Если он провалит работу, Гуго спросит с неё. Она скрестила руки на груди и бросила на Алекса тяжёлый взгляд.

— Хорошо, — сказала она нехотя. — Одно ведро горячей воды. Но будешь мыться за конюшней, где никто не видит. Чтобы не портить людям вид. И не смей появляться на кухне снова. Если хочешь мыться — приноси дрова с утра. Или носи воду сам. Понял?

— Договорились, — кивнул Алекс.

Эрмина повернулась к молодому парню, стоявшему у котла — худому, веснушчатому, с большими, торчащими ушами и любопытными глазами. Его лицо было перепачкано сажей, а руки — в ожогах и мозолях от работы у огня.

— Пьер, — рявкнула она на французском, но с таким акцентом, что имя прозвучало как «Пьё». — Налей ему ведро горячей воды. И проследи, чтобы он не натворил глупостей.

Парень кивнул, зачерпнул ведро из большого медного котла, в котором булькала мутная, жирная вода, и протянул Алексу. Вода была тёплой, почти горячей, с запахом дыма и старого жира — той самой воды, в которой варили похлёбку для солдат, а теперь мылся чужак.

Алекс взял ведро. Оно было тяжёлым, и горячие капли плеснулись на его руки, оставляя красные пятна. Он чув-

ствовал боль, но не отдёргнул рук.

— Спасибо, — сказал он Пьеру.

Парень не ответил. Он просто смотрел на Алекса с любопытством и недоверием, как смотрят на диковинного зверя, которого привезли из далёких земель. Он явно понимал французский, но не решался говорить.

Алекс пошёл к конюшне. Вода в ведре плескалась, расплёскиваясь на камни. Он зашёл за угол, где было темно и пусто, где никто не мог его видеть. Там, в тишине, под холодным ночным небом, он разделся до пояса и начал мыться.

Горячая вода стекала по его телу, смывая грязь, кровь, пот и сажу. Он тёр кожу пучком сена, пока она не покраснела, пока на ней не выступили раздражённые пятна. Он чувствовал, как с каждым движением смывает с себя грязь Кемерк'эра — и хотя он понимал, что это лишь иллюзия, что грязь этого мира въелась в него глубже, чем под кожу, он всё равно чувствовал облегчение. Он смывал не просто грязь. Он смывал страх, отчаяние, ощущение собственной беспомощности. Он смывал с себя запах того хлева, в котором его заперли, запах толпы, которая хотела его убить.

Когда вода закончилась, он вытерся рукавом туники — другой ткани у него не было — и надел влажную одежду. Ткань прилипла к телу, холодная и липкая, но он чувствовал себя чище, чем за последние три дня.

— Ты как будто снова родился, — раздался тихий голос за спиной, произнесённый на ломаном французском.

Алекс обернулся. В тени конюшни стоял тот самый парень, Пьер. Он сжимал в руках пустое ведро и смотрел на Алекса с любопытством и робостью, как человек, который хочет спросить о чём-то важном, но боится, что его прогонят.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Алекс. — Мадам Эрмина сказала тебе следить за мной?

— Да, — ответил Пьер. — Она сказала, чтобы я проверил, не украл ли ты что-то. Но я вижу, ты не вор. Ты просто хочешь быть чистым. Я понимаю.

Алекс усмехнулся, выжимая мокрую тунику.

— Спасибо за доверие.

— Ты правда был в Кемерк'эре? — спросил Пьер, делая шаг вперёд и понижая голос до шёпота. — Там говорят, что это проклятое место. Что люди исчезают там. Что земля там чёрная, как сажа, и днём там темно, как ночью.

— Я был там, — ответил Алекс. — И это не проклятое место. Это просто бедное место. Люди там голодают и умирают от болезней, потому что у них нет ни еды, ни чистой воды. Там нет ничего сверхъестественного. Только голод и отчаяние.

Пьер задумался. Его глаза загорелись интересом, как у человека, который впервые слышит историю, отличную от той, что рассказывают в деревне.

— А что ты там делал? Ты был там как... как лекарь? Ты лечил людей?

— Я пытался им помочь, — сказал Алекс. — Я показывал им, как сохранять мясо и зерно, чтобы они не голодали зимой. Потом приехал Робер и привёз меня сюда.

Пьер смотрел на Алекса с уважением, смешанным с недоверием. Он хотел спросить что-то ещё, но не решился. Вместо этого он просто сказал:

— Если тебе снова понадобится вода — скажи мне. Я могу принести, когда мадам Эрмина не видит. Но только если ты расскажешь мне, что там, в Кемерк'эре. Что случилось с этим местом. Почему оно проклято. Я хочу знать правду, а не байки, которые рассказывают старухи у костра.

Алекс посмотрел на парня. В его глазах было не просто любопытство — там был голод. Голод по истории, по пониманию, по чему-то, что выходило за пределы этой грязной замковой жизни. Может быть, Пьер был таким же чужаком, как и он, только он родился здесь и не знал, что мир может быть другим.

— Договорились, — сказал Алекс. — Завтра. Если принесёшь воду — я расскажу тебе, что случилось. Приходи к погребам. Я буду там работать.

Пьер улыбнулся и исчез в темноте, растворившись в тени конюшни. Алекс остался один.

Он стоял за конюшней, глядя на тёмное небо, на редкие звёзды, которые пробивались сквозь облака, на острый серп луны, висевший над башнями. Вода на его теле уже остыла, но он чувствовал себя чище, чем за последние три дня. Он

провёл рукой по лицу — кожа была гладкой, без грязи, без запёкшейся крови. Он почти забыл, как это — чувствовать себя человеком.

«Я выжил, — подумал он. — Я выжил в Кемерк'эре. Я выжил в дороге. Я выжил здесь. Но это только начало».

Он посмотрел на свои руки. Они всё ещё были в мозолях, в трещинах, но они были чистыми.

«Завтра я начну работать. Я докажу им, что я не бесполезен. Я докажу им, что я чего-то стою».

Он повернулся и пошёл обратно в свою каптёрку. Холодный ветер дул в спину, но он чувствовал, что внутри него разгорается огонь — не ярость, не отчаяние, а холодная, расчётливая решимость.

Когда он открыл дверь каптёрки, темнота встретила его сыростью и холодом. Он зажёл масляную лампу — фитиль дал тусклый, дрожащий свет, который едва освещал каменные стены. Он сел на соломенный тюфяк, прислонившись спиной к холодной стене, и закрыл глаза.

Он думал о Мари. О её улыбке, о её глазах, о том, как она смеялась в библиотеке, когда они встретились. Где она сейчас? Ищет ли его? Плачет ли? Или для неё он уже исчез, растворился в прошлом, как он растворился в этом мире? Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль отрезвляла.

«Я должен выжить, — сказал он себе. — Я должен вернуться. Или... я должен сделать так, чтобы этот мир стал луч-

ше. Чтобы моя жизнь здесь имела смысл».

Он лёг на тюфяк, накрылся рваным одеялом и закрыл глаза. Завтра будет новый день. Новые испытания. Но он был готов.

Утро началось с того, что кто-то громко забарабанил в дверь каптёрки. Кулак бил по дереву с такой силой, что дверь ходила ходуном.

— Эй, чужак! — раздался грубый голос на французском, с сильным акцентом, который делал слова почти неузнаваемыми. — Гуго ждёт тебя в погребе! Шевелись! Или я вышвырну тебя оттуда, где ты спишь!

Алекс открыл глаза. В каптёрке было темно, лишь тусклый свет пробивался через бойницу — утро ещё не наступило, или наступило, но здесь, в подвале, этого было не видно. Он сел на тюфяке, чувствуя, как ноющая боль в рёбрах напоминает о себе. Синяки всё ещё болели при каждом движении.

Он встал, ополоснул лицо холодной водой из кувшина — она была мутной, отдавала глиной и чем-то металлическим — и вышел из каптёрки.

Внутренний двор уже жил своей жизнью, несмотря на ранний час. У конюшни перекликались конюхи, из кузницы доносился звон металла — кузнецы начинали работу затемно, по двору сновали слуги с корзинами и вёдрами. Алекс направился к погребу, стараясь не смотреть на людей, которые провожали его взглядами.

Когда он спустился вниз и открыл дверь, его встретила тишина. Он подошёл к столу, на нём лежала мокрая, грязная тряпка, от которой пахло кислым пивом, а на стене, прямо над столом, кто-то нацарапал углём крупные, неровные буквы:

«УБИРАЙСЯ, ЧУЖАК. ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО БРОДЯГАМ».

Алекс замер. Он провёл пальцем по надписи — уголь был свежим, ещё не стёршимся, пачкал пальцы. Кто-то был здесь ночью и оставил это сообщение, чтобы запугать его. Он чувствовал, как холодный гнев поднимается внутри него, но он заставил себя дышать ровно.

— Что, не нравится? — раздался голос за спиной, произнесённый на французском с тяжёлым бретонским акцентом.

Алекс обернулся. В дверях стоял сутулый, жилистый мужчина лет пятидесяти в засаленном кожаном фартуке, из которого торчали ключи разных размеров — большие, ржавые, тускло поблёскивающие в свете масляной лампы. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, как старая кора, а глаза, маленькие и тёмные, смотрели с холодной, злобной настороженностью. Это был Жоффруа — замковый ключарь, человек, который тридцать лет держал в руках ключи от всех амбаров, погребов и кладовых Монфора. Он был хранителем замковых тайн и не терпел чужаков, которые совали нос в его владения.

— Ты кто? — спокойно спросил Алекс, хотя внутри у него

всё кипело. Он говорил на французском, чётко и размеренно, чтобы ключарь не мог сказать, что не понял.

— Я тот, кто отвечает за эти погребя, — сказал Жоффруа, сплюнув на пол, и перешёл на французский, нарочито медленно, как будто говорил с умственно отсталым. — Я тут тридцать лет работаю. Знаю каждую доску, каждую бочку, каждую трещину в стене. А ты кто? Бродяга с разбитой мордой, которого Робер привёз из грязи? Ты думаешь, что можешь прийти и указывать мне, как хранить зерно?

— Я не указываю тебе, — сказал Алекс, встречая его взгляд. — Я делаю работу, которую мне поручил Гуго. Если ты хочешь, чтобы твои погребя не текли — помоги мне. Если нет — убирайся с дороги.

Жоффруа усмехнулся. Он повернулся к двум слугам, стоявшим за его спиной, и что-то быстро сказал на бретонском. Они засмеялись, глядя на Алекса с презрением. Алекс не понял ни слова, но услышал в голосе ключаря злобу и презрение.

— Что он сказал? — спросил Алекс, глядя на ключаря.

Жоффруа снова повернулся к нему:

— Я сказал, что ты не протянешь здесь и недели. Потому что ты чужак. Ты не знаешь наших законов. Ты не знаешь наших обычаев. Ты даже не знаешь нашего языка. Как ты собираешься здесь работать, если ты не понимаешь, что говорят люди?

— Я понимаю достаточно, — ответил Алекс. — Француз-

ский — язык барона. Я говорю на языке барона. Если твои люди хотят говорить со мной — пусть говорят на французском. Если нет — я не буду их слушать.

Жоффруа шагнул ближе. От него пахло старой кожей, потом и ржавчиной.

— Ты ещё пожалеешь, что сунул свой нос в мои дела, чу-
жак, — сказал он тихо, почти шёпотом, и его глаза сузились.
— Посмотрим, как ты запоешь, когда твои «умные» придумки провалятся. Когда Гуго поймёт, что ты ничего не стоишь. Тогда я сам вышвырну тебя из этого погреба. Или, может быть, ты просто исчезнешь. В замке Монфор люди иногда исчезают. Особенно те, кто не умеет держать язык за зубами.

Он развернулся и ушёл, громко хлопнув дверью. Его слуги последовали за ним, оставив Алекса одного в полумраке подземелья.

Алекс остался один. Он посмотрел на надпись на стене, стёр её рукавом и начал собирать инструменты. У него появился враг внутри стен. И этот враг был опаснее, чем крестьяне с вилами в Кемерк'эре. Потому что Жоффруа знал замок. Он знал, где можно спрятать тело. Он знал, как сделать так, чтобы никто не нашёл его. Он знал, как уничтожить человека, не оставив следа.

Алекс глубоко вздохнул, стараясь успокоить дрожащие руки.

Через час в погреб спустилась команда плотников. Их вёл мастер Бернар — пожилой, седой мужчина с тяжёлым

теслом на плече, глубокими морщинами на лице и маленькими, пронизательными глазами, которые видели всё. За ним шли четверо парней — угрюмых, мускулистых, в грязных фартуках, с мозолистыми руками.

Бернар смерил Алекса взглядом с головы до ног, окинул его грязную влажную одежду и сплюнул на пол.

— И это тот самый бродяга, который будет учить нас строить? — буркнул он, обернувшись к своим парням. — Гуго совсем спятил. Он хочет, чтобы мы слушали какого-то оборванца с разбитой мордой? Где мы, в хлеву? Или в замке барона?

Один из плотников хохотнул, другой скрестил руки на груди, разглядывая Алекса с насмешкой. Молодой парень с наглым лицом что-то сказал на бретонском, обращаясь к Бернару. Алекс не понял ни слова, но услышал в голосе презрение.

Бернар нахмурился и ответил на французском:

— Заткнись, Ив. Говори по-французски, чтобы все понимали. Барон приказал говорить по-французски, когда здесь чужие.

Парень скривился, но перешёл на французский — плохой, ломаный, с тяжёлым акцентом, но понятный:

— Я сказал, что не хочу работать с чужим. Почему мы должны слушать бродягу, который даже не говорит по-нашему? Он даже не знает, как мы называем доски!

Алекс встретил его взгляд. Он видел в глазах этого парня

ту же злобу, что и у Жоффруа — страх перед чужим, страх перед тем, кто может изменить привычный порядок.

— Ты прав, — сказал Алекс на французском, глядя прямо на Ива. — Я не говорю по-бретонски. Но я говорю на языке, на котором барон говорит со своими солдатами. Если ты хочешь, чтобы твой замок не развалился — слушай меня. Если нет — убирайся. Я не буду тратить время на тех, кто боится нового.

Ив хотел что-то ответить, но Бернар поднял руку, заставляя его замолчать.

— Хватит, — сказал мастер. — Я сам решу, стоит ли слушать этого чужака.

Он подошёл к столу и огляделся в поисках чертежа. Но на столе ничего не было — только пустая доска, глиняная плошка с водой и старая тряпка. Бернар нахмурился.

— Где твои чертежи? — спросил он. — Ты же говорил, что покажешь, как строить.

Алекс замер. Пергамент в замке стоил дорого — его берегли для писем барона и хозяйственных записей. Никто не дал бы его бродяге для каких-то чертежей.

— У меня нет пергамента, — честно ответил Алекс. — То, что я начертил вчера на дощечке, кто-то уничтожил сегодня ночью.

Бернар скрестил руки на груди, ожидая объяснений.

— И как ты собираешься нам показывать, что делать? На словах? Мы строим, а не слушаем сказки.

Алекс оглянулся вокруг. Погреб был сырым, грязным, но у него под ногами была земля. Он опустился на корточки, подобрал с пола сухую щепку и начал чертить прямо на утрамбованном земляном полу. Линии получались чёткими, хотя и бледными — земля была влажной, и следы оставались хорошо заметными.

— Смотрите, — сказал он, проводя пальцем по начерченной линии. — Здесь мы ставим стеллажи. Настил поднимаем на два локтя над землёй. Вот так.

Он нарисовал прямоугольник, обозначая опоры. Потом добавил горизонтальные линии, показывая, где будут лежать доски.

— От стен отступаем на шаг, — он провёл ещё одну линию, параллельную первой. — Здесь будет зазор для воздуха. Вдоль стен, внизу, выкладываем канавки и засыпаем их золой с углём, чтобы впитывали влагу.

Бернар наклонился, разглядывая рисунок на земле. Его глаза слегка расширились — такие чертежи он видел только у монахов-строителей, и то редко, когда те приезжали из аббатства Святого Гильдаса осматривать замковые укрепления. А этот чужак рисовал так, будто делал это сотни раз — линии были уверенными, пропорции выверенными, даже без измерительных инструментов.

— Хорошо, — сказал Бернар, кивнув на стеллажи. — Это я понял. Поднять мешки, чтобы не лежали на земле. Отодвинуть от стен. Но этого же мало? Мы просто перенесём сы-

рость выше. Мешки будут сухими, но воздух останется тяжёлым и вонючим. Как ты собираешься убрать эту затхлость?

Алекс поднял голову. Вопрос Бернара был точным — мастер видел проблему глубже, чем просто мокрые мешки.

— Ты прав, — сказал Алекс. — Если мы просто поднимем мешки, влага останется в воздухе. Она будет оседать на стенах, на потолке, на самих мешках. Мы выиграем месяц, а потом всё вернётся.

Он отодвинулся в сторону и начал рисовать новый рисунок рядом с первым — поперечный разрез погреба. Он провёл длинную горизонтальную линию, обозначая пол, и две вертикальные — стены. Потом добавил сводчатый потолок.

— Смотри, — сказал Алекс, вода щепкой по линиям. — Воздух в погребе не двигается. Он стоит на месте. Тёплый воздух поднимается вверх, холодный опускается вниз, но они не смешиваются — они просто лежат слоями, как вода и масло.

Бернар опустился на корточки рядом с Алексом, вглядываясь в рисунок. Он не перебивал, но его глаза говорили, что он пытается понять.

— Влага, которая поднимается из земли, остаётся внизу, — продолжал Алекс. — Тяжёлый, сырой воздух лежит на полу и не может уйти. А сверху, под потолком, собирается тёплый, но тоже влажный — от дыхания людей, от гниющих бочек. И они не смешиваются. Всё это вместе создаёт ту самую сырость, которая гноит зерно.

— И что с этим делать? — спросил Бернар. — Мы не можем выкопать новый погреб.

— Мы можем заставить воздух двигаться, — ответил Алекс. — Смотри.

Он нарисовал в левой стене, почти у самого пола, маленькое отверстие — квадратик, из которого выходила стрелка, направленная внутрь.

— Здесь мы пробиваем отверстие. С северной стороны, там, где всегда дует ветер с моря. Холодный, свежий воздух заходит сюда, снизу.

Потом он нарисовал в правой стене, под самым сводом, второе отверстие — больше первого. Из него выходила стрелка, направленная наружу.

— А здесь, на противоположной стене, высоко под потолком, мы делаем второе отверстие. Тёплый, влажный воздух, который поднимается вверх, будет уходить через него. Холодный воздух заходит снизу, выталкивает влажный воздух наверх, и тот уходит наружу. Всё время, без остановки. Как дыхание.

Бернар молчал, глядя на рисунок. Его палец медленно двигался по линиям — от нижнего отверстия по полу, потом вверх по стене, к верхнему отверстию.

— То есть, — сказал он медленно, — воздух сам себя выталкивает? Он входит снизу, поднимается и выходит наверх?

— Именно, — кивнул Алекс. — Чем холоднее воздух сна-

ружи, тем сильнее он будет втягиваться внутрь. А тёплый воздух всегда поднимается вверх. Если дать ему выход, он уйдёт сам. Нам нужно только сделать два отверстия: одно внизу, одно наверху. И влага уйдёт. Плесень высохнет. Запах уйдёт.

Бернар поднял голову и посмотрел на Алекса. В его глазах больше не было насмешки — только удивление и что-то похожее на уважение.

— Откуда ты это знаешь? — спросил он тихо. — Такое не пишут в монастырских книгах. Я видел эти книги. Там псалмы и жития святых. Но не это.

Алекс встретил его взгляд. Он знал, что должен быть осторожен.

— Мой учитель был необычным монахом, — ответил он. — Он изучал не только Священное Писание. Он изучал мир, который создал Господь. Он говорил: "Чтобы понять Бога, смотри на Его творения". Он показывал мне, как вода течёт, как воздух движется, как огонь сжигает. Я запомнил.

Бернар смотрел на него долго, потом перевёл взгляд на рисунок на земле.

— Значит, мы делаем два отверстия, — сказал он. — Одно внизу, с северной стороны. Второе наверху, с южной.

— Да, — подтвердил Алекс. — Нижнее — шириной в локоть, высотой в два локтя. Верхнее — больше, чтобы воздух выходил свободно. И закрываем их щитами на зиму, чтобы не выстужать погреб. Но сейчас, пока мы работаем, они бу-

дут сушить воздух.

Бернар кивнул, поднялся и повернулся к плотникам:

— Вы слышали? Пробиваем отверстие в северной стене, снизу, и расширяем верхнее окошко с южной стороны. И чтобы без грязи — убирайте за собой!

Плотники зашевелились, беря в руки кирки и ломы. Но Ив, стоявший в стороне, не двинулся с места. Он скрестил руки на груди и фыркнул:

— Ты рисуешь на земле, как ребёнок. Мы должны строить по детским рисункам?

Алекс поднял голову и встретил его взгляд.

— Я могу нарисовать на пергаменте, — сказал он спокойно. — Но у меня нет пергамента. Если ты принесёшь мне кусок — я нарисую тебе так, что даже слепой поймёт. А пока я рисую на том, что есть под ногами. Земля не врёт, и следы на ней не исчезают, пока мы их не сотрём.

Ив хотел возразить, но Бернар бросил на него тяжёлый взгляд.

— Достаточно, — сказал мастер. — Ты слышал, что нужно делать? Пробивать отверстия. Или ты хочешь, чтобы я показал тебе, как это делается, на твоей голове?

Ив скривился, но взял кирку и отошёл к стене, бормоча что-то на бретонском. Бернар повернулся к остальным плотникам:

— Тащите доски и инструменты. Будем делать, как он сказал. Посмотрим, что получится.

Когда плотники начали работать, Алекс отошёл в сторону и прислонился к стене. Он чувствовал на себе взгляды — недоверчивые, любопытные, враждебные. Но он знал: если они увидят, что его чертежи работают, они начнут доверять. Если он ошибётся, если его расчёты окажутся неверными... они убьют его. Или, что хуже, они убьют жителей Кемерк'эра, которые надеялись на его обещание.

Но он не мог думать об этом сейчас. Он должен был работать.

Через час, когда плотники закончили первую часть работы, Алекс подошёл к Бернару и показал, как нужно закрепить конструкцию. Мастер слушал внимательно, иногда перебивая вопросами.

— Почему именно два локтя? — спросил Бернар, указывая на высоту стеллажа.

— Потому что крысы не прыгают выше локтя, — ответил Алекс.

Бернар усмехнулся:

— Ты думаешь о крысах, — сказал он. — А я думал только о сырости.

— Они идут вместе, — ответил Алекс. — Сырость привлекает насекомых, насекомые — крыс. Если убрать сырость, крысы уйдут сами. Но...

Он помолчал, глядя на стеллаж, и нахмурился.

— Но я чуть не ошибся, — сказал он неожиданно. — Крысы не прыгают выше локтя, но они могут взобраться по нож-

кам. Если мы оставим ножки гладкими, они залезут на стеллаж и сожрут всё зерно.

Бернар посмотрел на ножки стеллажа — гладкие, обструганные доски.

— И что ты предлагаешь? — спросил он. — Обмазать их смолой? Крысы не любят смолу.

— Смола — хорошо, — сказал Алекс, — но она быстро засохнет и потрескается. Потом крысы привыкнут и перестанут бояться. К тому же через трещины они смогут зацепиться.

Он опустил на корточки и нарисовал на полу новую схему — увеличенное изображение ножки стеллажа с чем-то, похожим на перевёрнутую воронку или толстое кольцо.

— Смотри, — сказал он, водя щепкой по линиям. — Мы делаем проще. Берём сырую глину, смешиваем её с конским волосом или рубленой соломой — для прочности. И лепим прямо на ножку, вот здесь, на высоте локтя от пола.

Бернар наклонился, разглядывая рисунок.

— Лепим? Как горшок?

— Именно, — кивнул Алекс. — Мы делаем толстый глиняный воротник — как перевёрнутая воронка. Широкий снизу, узкий сверху. Он плотно обхватывает ножку и держится на ней за счёт того, что глина влажная и прилипает к дереву. Пока глина сохнет, мы её не трогаем.

Бернар провёл пальцем по рисунку, представляя, как это выглядит.

— А если глина треснет, когда высохнет?

— Трещины не страшны, — ответил Алекс. — Мы сверху обмажем этот воротник жиром или смолой. Жир заполнит все трещины и сделает поверхность гладкой, скользкой. Крыса попытается залезть, лапы соскользнут, и она упадёт. К тому же в подвале сыро, глина будет сохнуть медленно, без трещин.

Бернар поднял голову, глядя на Алекса с удивлением:

— Значит, мы просто лепим глину на ножки? Не обжигаем? Не прибиваем?

— Не обжигаем, — подтвердил Алекс. — Высушенная глина с конским волосом становится твёрдой, как камень. Её нельзя разгрызть, нельзя сбить. А если она случайно расколется — мы слепим новую. Это быстро и дёшево. И не требует кузнеца или гончара.

Бернар смотрел на рисунок, потом на ножки стеллажа, потом снова на рисунок. Его лицо медленно озарялось пониманием.

— И крыса не сможет перелезть через такой воротник?

— Представь, — сказал Алекс. — Крыса лезет по ножке. Она доходит до воротника. Воротник широкий, гладкий, скользкий от жира. Она пытается зацепиться передними лапами, но не может — поверхность скользкая. Она пытается перелезть через него, но воротник слишком широкий — её брюхо упирается в край, и она не может перебросить тело. Она соскальзывает и падает. Если она упадёт три раза — она

перестанет пытаться.

Бернар усмехнулся, качая головой:

— Ты думаешь, как крыса. Это хорошо.

— Я думаю, как голодный человек, — ответил Алекс. — А голодный человек знает, что враг его — не только голод, но и всё, что хочет отнять у него еду.

Бернар выпрямился и повернулся к плотникам:

— Вы слышали? Идёте к конюшне, собираете конский волос — сколько найдёте. Потом к гончару за глиной. И лепите на ножки воротники, как сказал Жан. Чтобы к вечеру всё было готово.

Он повернулся к Алексу:

— Ещё что-то?

— Да, — сказал Алекс. — Надо проверить стены. Нет ли там ходов для крыс. Если есть — заложить камнем и глиной. Иначе они будут приходить из-за стен, а не через ножки.

Бернар кивнул:

— Проверим.

Он снова опустился на корточки и нарисовал на полу ещё один рисунок — схему того, как укладывать известь на пол.

— Сначала слой извести, — объяснял он, рисуя линии. — Толщиной в палец. Сверху — песок. Потом дубовые плахи. Известь высушит землю, песок не даст воде подниматься, а доски будут держать мешки.

Бернар наклонился, рассматривая рисунок.

— Это просто, — сказал он. — Почему мы не делали так

раньше?

— Потому что никто не думал, что земля может быть сухой, — ответил Алекс. — Все привыкли, что в подвале всегда сыро. Никто не пробовал сделать иначе.

Бернар выпрямился и повернулся к своим плотникам:

— Вы слышали? Известь, песок, плахи. Работаем до темноты!

К вечеру первый стеллаж был готов — поднятый над полом на два локтя, отодвинутый от стены на шаг. Алекс проверил его — конструкция стояла крепко, не шаталась. Он залез на стеллаж и проверил, выдержит ли он его вес. Доски слегка прогнулись, но не сломались.

— Держит, — сказал он, спрыгивая на пол. — На этом этаже мы ставим ещё три таких стеллажа, а на следующем — ещё пять. И так до самого верха. Всё зерно будет на стеллажах. Ни одного мешка на земле.

Бернар стоял рядом, разглядывая конструкцию. Его лицо, покрытое известковой пылью, выражало удивление — не то чтобы восхищение, но что-то близкое к нему.

— Это... это и правда работает, — сказал он тихо, так, чтобы его плотники не слышали. — Я думал, ты просто болтун. Но это работает.

Алекс улыбнулся — впервые за долгое время.

— Спасибо, мастер Бернар.

Бернар хмыкнул и отвернулся, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на тепло.

— Ладно, хватит стоять, — сказал он своим плотникам.
— Работаем! Нужно успеть до темноты!

Алекс остался в погребѣ, глядя, как они работают. Он чувствовал усталость, боль в руках, но внутри него росло спокойствие. Он делал то, что умел. Он строил. Он спасал.

Когда плотники ушли, он остался один в погребѣ. Он пошёл к новому стеллажу, провёл рукой по гладкой, обработанной древесине. Она была сухой, тёплой, пахла свежими стружками. Это был его первый шаг. Первый из многих.

Он вышел из погреба и направился к своей каптёрке. У дверей его ждал Пьер.

— Я принёс воду, — сказал парень, протягивая ему ведро.
— Горячую. Мадам Эрмина не видела. Я сказал, что убираю конюшню.

Алекс взял ведро. Вода была тёплой, пар поднимался над ней.

— Спасибо, Пьер.

Пьер улыбнулся:

— Ты обещал рассказать мне о Кемерк'эре. Что там случилось. Почему оно проклято.

Алекс кивнул:

— Садись, — сказал он, присаживаясь на камень у двери каптёрки. — Я расскажу тебе.

Он начал рассказывать. О деревне, о голоде, о том, как он учил людей коптить мясо и хранить зерно. О том, как крестьяне сначала боялись его, а потом начали доверять. Пьер

слушал, раскрыв рот, его глаза горели любопытством. Он задавал вопросы, переспрашивал, уточнял.

Когда Алекс закончил, Пьер сидел молча, переваривая услышанное.

— Ты... ты правда веришь, что можно жить по-другому?
— спросил он наконец. — Что люди не должны голодать каждую зиму?

— Я в это верю, — ответил Алекс. — Потому что я видел, как это работает. И я покажу тебе, если хочешь.

Пьер смотрел на него долго, потом кивнул.

— Я хочу, — сказал он. — Я хочу знать, как это делается.

Он поднялся и ушёл в темноту. Алекс остался один у двери своей каптёрки. Он посмотрел на тёмное небо, на редкие звёзды, которые пробивались сквозь облака. Внутри него росла тихая, холодная уверенность. Он выжил. Он начал строить. И теперь у него был первый союзник в этом замке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.